Волкодавам виза не нужна

Автор:
Сергей Самаров

Волкодавам виза не нужна

Сергей Васильевич Самаров

Спецназ ГРУ

Командир взвода спецназа ГРУ старший лейтенант Сергей Лесничий вызван в Москву. У вокзала его окружают трое кавказцев. В итоге – двое покалечены, третий напоролся на свой же нож и скончался. Арест, увольнение из армии, ожидание суда. В камеру к Лесничему приходит полковник ГРУ Селиверстов и предлагает устроить ему побег, если тот согласится служить в частной военной компании, действующей на Украине. Сергей понимает, что подстава на вокзале была продумана заранее, но тем не менее соглашается. Позже он не пожалел об этом решении, хотя и представить себе не мог, через какие испытания ему придется пройти…

Сергей Самаров

Волкодавам виза не нужна

© Самаров С., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Глава 1

На четвертый день широкомасштабных войсковых учений командир взвода спецназа ГРУ старший лейтенант Сергей Лесничий был внезапно вызван к командиру батальона подполковнику Васильеву.

Комбат сразу приступил к делу и заявил:

– У тебя же, Сергей Ильич, помню, замкомвзвода сильный.

Подполковник не спрашивал. Он утверждал.

– Так точно, товарищ подполковник. Через полгода у старшего сержанта Лукоморьева контракт кончается. Намеревается поступать в училище спецназа. Я его по мере сил готовлю. Порой доверяю чисто офицерские функции. Парень толковый, справляется.

– Вот и хорошо. Значит, будет ему испытание. Правильно себя покажет, заработает рекомендацию для поступления. Я сам напишу. Короче, передавай ему командование, все по приемо-сдаточному акту, как полагается, а сам быстрее в штаб батальона.

– Понял, товарищ подполковник. Но ведь учения…

– Приказ! – сухо отрезал подполковник. – Из Москвы запросили персонально тебя. Характеристику твою приказано было послать еще месяц назад. Развернутую, с подробностями.

– Это надолго?

Подполковник передернул плечами, показывая собственное недовольство этим приказом. Какой комбат с радостью расстанется с хорошим командиром взвода! А Лесничий был из лучших.

– Не могу знать. У командования относительно тебя какие-то свои планы. Мне не докладывают. Боюсь, навсегда забирают. Тебе, насколько я помню,

по выслуге пора уже скоро роту принимать. И по опыту подходишь. Я сам на тебя по этому поводу отношение отправлял полгода назад. Думаю, что дадут роту в другой бригаде. А пока, скорее всего, в резерв командования. Тем не менее, полагаю, с повышением предстоящим тебя! Литром не отделаешься.

– Понял, товарищ подполковник. Сейчас сбегать?

Комбат недовольно кашлянул, сетуя на неудобства служебного положения.

– При будущей встрече. Сейчас, сам говоришь, учения серьезные, не до того. Поторопись!

– Есть, поторопиться, товарищ подполковник.

Передача дел заняла больше часа. Времени могло бы уйти и больше, но старший сержант еще раньше прочно вошел в дело. Поэтому им не пришлось пересчитывать многое из того, что было на балансе военных разведчиков, – ни оружие, ни боеприпасы, ни спецоборудование.

Потом старший лейтенант Лесничий явился к начальнику штаба батальона за предписаниями. Получение вещевого и продовольственного аттестатов, проездных документов отняло еще почти час. Можно было бы и побыстрее управиться, но штабные работники торопиться не умеют.

Ехать предстояло в Москву, сразу в диверсионное управление ГРУ. До этого Лесничий в знаменитом здании на Хорошевке не был ни разу. Он не постеснялся расспросить начальника штаба о том, как добираться до места, хотя бы до какой станции метро.

Майор Галактионов ответил:

– А чего искать-то? Тебя встретят. Только позвони мне, скажи, какой вагон. Прямо на перроне подойдут, довезут до места, да и пропуск, думаю, уже закажут.

Майор, как Лесничему показалось, знал о новом назначении больше, чем комбат. Или же подполковник Васильев, по привычке старого разведчика, не желал распространяться о тонкостях вопроса. Хотя, скорее всего, оба могли только догадываться, а не знать. Оттого, может быть, в совершенно простом деле просматривалась некоторая многообещающая загадочность.

Из штаба Лесничий заскочил в казарму, взял свой рюкзак из канцелярии, пистолет из ротного сейфа и отправился в гараж. Там его ждала дежурная машина, выделенная начальником штаба.

До вокзала в областном центре больше сотни километров. Конечно, командир взвода и сам бы добрался, но если начальство проявляет заботу – не стоит быть дураком и отказываться.

– Приказали обеспечить транспортом, – объяснил начальник штаба. – Поезд на Москву всего один. Утром тебя, как я уже сказал, встретят. Так что управление искать не придется, не заблудишься.

Домой он даже заезжать не стал. Жена с сыном отдыхали у родителей Сергея Ильича в Краснодарском крае. Когда что-то станет известно, он позвонит жене из Москвы. Ей тоже предстоит немало хлопот – вещи собирать, контейнер заказывать. С погрузкой в батальоне, конечно, помогут. Но, главное, будет известно, куда ехать.

Дорога до областного центра была, на удивление, не совсем разбита. Машина доехала до вокзала даже быстрее, чем ожидал старший лейтенант.

С билетом проблем не возникло. Впрочем, в воинской кассе их никогда не бывает. Старшему лейтенанту пришлось только из своего кармана доплачивать за поездку в купейном вагоне.

Сравнительно большой и полупустой в вечернее время вокзал сам приглашал к тому, чтобы по нему походить. Лесничему требовалось убить полтора часа времени. Он был человеком подвижным, не привык сидеть без дела. Поэтому старший лейтенант мерил шагами расстояния внутри вокзала.

Ходить там было не слишком приятно. Чересчур много неприятных запахов, особенно в месте, где неподалеку друг от друга располагались несколько буфетных стоек, излучающих ароматы прокисших продуктов.

Но и на улице не везде было лучше. У дверей вокзала дымить теперь не разрешали. Курильщики собирались за углом большого здания, где для них поставили несколько высоких урн.

Старший лейтенант Лесничий за всю свою жизнь не выкурил ни единой сигареты. Ему был противен табачный запах, поэтому он старался держаться подальше от этого места.

Дождь время от времени показывал, что через пару недель наступит последний месяц осени. Но прогуливаться он не мешал. Так, в ходьбе, легче убивалось время. Просто так сидеть и ждать полтора часа – это гораздо сложнее, чем шагать.

Троих парней кавказской внешности Сергей Ильич выделил сразу. Наверное, сработала привычка. Он почувствовал их внимание к своей персоне. Три командировки на Северный Кавказ во главе своего взвода научили старшего лейтенанта даже дома, в Центральной России, внимательнее присматриваться к выходцам из южных регионов.

Старший лейтенант заметил, что они не просто так идут следом за ним. Что-то им было надо от него, чем-то он привлек их внимание.

Сергей Ильич посмотрел на часы. До посадки оставалось сорок минут. Он стоял на дорожке между стеной вокзала справа и густыми зарослями почерневшей осенней сирени слева. Лесничий чувствовал опасность, даже знал, откуда она исходит.

Так и оказалось. Едва он успел сделать пять неторопливых шагов, как из кустов сирени выпрыгнул один из тех троих и перегородил дорогу.

– Привет, офицер, – нагловато и с сильным акцентом проговорил этот тип.

– Привет, – вполне миролюбиво и даже слегка насмешливо ответил Лесничий.

Тут он услышал легкий треск, почувствовал движение позади себя. Значит, еще двое зашли ему за спину. Они прятались в тех же кустах.

Не имея глаз на затылке, трудно контролировать ситуацию сзади. Оттуда могут ножом пырнуть или просто ударить по голове чем-то тяжелым.

Лесничий сделал то, что в такой ситуации вполне естественно. Он просто посторонился, повернулся боком, якобы желая пропустить того человека, который был перед ним. Но парень стоял и не двигался. Зато двое, зашедшие за спину, оказались в поле зрения, под контролем.

– Ты из спецназа? – спросил один из них.

– Из спецназа, – спокойно согласился Сергей Ильич.

– Вот и хорошо. Мне как раз нужны документы офицера спецназа.

– А мне – твои деньги, – добавил второй и распахнул полу своей куртки-ветровки, показывая большой нож, прижатый к телу, придерживаемый рукой прямо через куртку.

– Денег мне не жалко, я не жадный. Мог бы и просто милостыню попросить, – ответил старший лейтенант вполне миролюбиво, но с каким-то кошачьим мурлыканьем.

Бандитам следовало бы знать, что эти милые животины иногда мурлычут перед атакой.

– Я бы чуть-чуть выделил. А вот с документами дело обстоит сложнее.

Он заранее видел то, чего бандиты не замечали, знал, как отвлечь их внимание.

– Почему так?

– Потому что мы стоим под полицейской видеокамерой. А за спину вам уже заходит наряд и желает поинтересоваться, что вы здесь делаете.

Тот тип, который остановил Лесничего, конечно, видел, что за спиной у его подельников никого нет. Он машинально поднял голову и заметил видеокамеру на углу вокзала.

Но ведь наряд полиции мог оказаться и у него за спиной. Поэтому обернулись все трое. Только на секунду, соблюдая обычное, слегка насмешливое достоинство горцев, не боящихся никакой полиции.

Однако этой секунды Лесничему хватило для нанесения первого из трех точных, резких и жестких ударов. Тот джигит, который перегородил дорогу, схлопотал ребром ладони в район сонной артерии, слег сразу и, похоже, надолго.

Второму, стоявшему дальше других, достался удар ногой в ухо. Бандит попытался продемонстрировать резвую реакцию и недюжинное соображение, прикрылся рукой. Но нога Лесничего легко, как бумагу, смяла ладонь парня. Тяжелый армейский башмак свалил его с ног так же конкретно, как сделал бы это обух топора.

Бить третьего пришлось, что называется, от положения. А оно оказалось таким, что удобнее всего было выполнить вертушку. Так старший лейтенант Лесничий и сделал, используя инерцию собственного тела после предыдущего удара. Он выполнил разворот на триста шестьдесят градусов, и каблук с размаху ударил точно в печень. Бандит попытался вздохнуть, но сразу завалился на бок.

Тут, как обычно и бывает, с легким опозданием, появился наряд полиции. Стражей порядка было аж четверо, и подбежали они так резко, что чуть мимо с разгону не проскочили.

– Что случилось? – спросил немолодой майор с, мягко говоря, излишне округлым животом, намекающим на кабинетный авторитет.

Сергей Ильич слегка удивился, что наряд возглавляет старший офицер, а не какой-нибудь сержант. Но он сообразил, что этот чин мог оказаться здесь случайно. Приехал из линейного отдела полиции проверить, как служба идет, и сразу попал, что называется, с корабля на бал.

– Да вот, товарищ майор, ребятам понадобились документы офицера спецназа и его деньги, – объяснил Лесничий ситуацию.

– А это что? – Младший сержант детсадовского возраста посветил фонариком на бандита, который недавно показывал Лесничему нож.

Джигит лежал, из-под него растекалась лужа крови.

– На свой нож, похоже, напоролся. – Сергей Ильич наклонился, отбросил полу куртки-ветровки и посмотрел.

Нож разрезал бок, похоже, повредил внутренности и валялся рядом.
Не разгибаясь, Лесничий вытащил из кармана платок и через него, чтобы не оставлять отпечатков пальцев, поднял нож, самый обыкновенный, кухонный, каких тысячи. Почти такой же был в хозяйстве у самого старшего лейтенанта.

Лесничий потрогал лезвие пальцем, убедился, что оно очень острое, вполне в состоянии прорезать и рубашку, и тело. Он протянул нож майору и удивился, увидев, что трое полицейских наставили на него свои пистолеты.

Впрочем, Сергей Ильич не слышал, чтобы клацали затворы. А это происходит обязательно, когда человек сдвигает его, дабы дослать патрон в патронник. Да и опускаемые предохранители не щелкали так звучно и смачно, как это всегда бывает у пистолета Макарова.

Менты, попросту говоря, брали его на испуг. Извините, ребята, но это смешно. Боевой офицер спецназа контролирует все события в несколько раз быстрее, чем это делают все менты полицейского наряда, вместе взятые.

– На свой нож или на твой? – с нескрываемой и неподражаемой профессиональной подозрительностью спросил майор, доставая из чехла на спине наручники.

– Объясните своим подчиненным, товарищ майор, что пистолеты, стоящие на предохранителе, не имеют способности стрелять. При желании я сумел бы уложить ваших мальчиков до того, как они сумеют выстрелить. А на моем месте вполне мог оказаться опытный преступник.

Два предохранителя все же щелкнули. Сразу же лязгнули затворы. Третий мент посчитал это лишним.

– Руки подставляй, старлей, – устало, но довольно, с чувством выполненного нелегкого долга сказал майор. – Где у тебя пистолет-то?

Каждая встреча с этой сонной мутноглазой адвокатшей перезрелого возраста удивляла старшего лейтенанта Лесничего. Не было случая, чтобы от дамочки не пахло устойчивым застарелым алкоголем. Похоже, она пила как суровый мужик, которого каждый день выгоняют с очередного места работы. Звали ее Анастасия Анатольевна.

Сергей Ильич до этого случая ни разу не был под следствием и не знал, какими темпами оно должно идти. Но даже ему показалось, что все движется слишком быстро.

Соседи по камере предварительного заключения откровенно говорили ему:

– Попал ты, старлей, под асфальтовый каток. Кому-то нужно было тебя отправить на зону, или кавказцы хорошо следакам заплатили.

– Это что, система? – спросил Лесничий.

– Повсеместная.

Удивляло и наводило на определенные мысли то обстоятельство, что ни батальон, ни родная бригада, ни диверсионное управление ГРУ, куда Лесничий должен был срочно прибыть, никак не озаботились сложившейся ситуацией. Впрочем, может быть, они и спрашивали, но Сергею Ильичу об этом никто не сообщил.

В камере, где подследственный обычно разговаривал с адвокатшей, столик и табуретки были привинчены к полу. Анастасия Анатольевна поставила на этот столик свой ноутбук и включила его, чтобы показать Лесничему видеозапись с камеры наружного наблюдения вокзала в областном центре.

Табуретку для старшего лейтенанта пододвинуть возможности не было. Поэтому адвокатша уступила ему свое место, сама склонилась и смотрела в монитор через плечо Сергея Ильича.

Ноутбук был старый, видеозапись не страдала высоким качеством. Да еще и полумрак мешал хорошо рассмотреть происходящее.

– Вот момент нанесения удара человеку с ножом, – сказала Анастасия Анатольевна. – Эксперт по рукопашному бою со стороны спецназа ГРУ убежден, что вы целенаправленно били именно в нож. Хотя и говорит, что движение ваше было автоматическим, отработанным на тренировках. Оно вызвано рефлекторным желанием нанести противнику наибольший урон, что закладывается в психологию офицера спецназа на подсознательном уровне. Времени на размышление у вас просто не было. Таково заключение эксперта. Это и вызвало раздумья следователя над возможностью переквалификации дела со статьи сто девятой уголовного кодекса – «причинение смерти по неосторожности» на статью сто пятую – «умышленное убийство».

– И чем это мне грозит? – спросил старший лейтенант.

– Военная прокуратура может передать дело в гражданский суд.

– Он не вправе судить военного, находящегося при исполнении служебных обязанностей.

– В последнее время участилась практика предварительного суда военного трибунала с известным исходом. Приговор будет, могу гарантировать, однозначным: «Разжаловать в рядовые и уволить из армии». Вы перестаете быть военным человеком. Тогда дело передадут в суд гражданской инстанции. Я уже несколько раз встречалась с подобным. Но все зависит от позиции трибунала и вашего командования. Пока же оно никак себя не проявляет.

– Миленькое дельце. – Старший лейтенант вздохнул. – А что говорит судмедэксперт о причине смерти?

– «Смерть наступила вследствие большой потери крови в результате колото-резаной раны». Судмедэксперт не может сказать однозначно, была ли рана нанесена случайно или умышленно.

Все происходило так, как и обещала похмельная адвокатша. Очень быстро, словно сыщиков кто-то кнутом подгонял, завершилось следствие. Вскоре прошло заседание трибунала. Даже его решение Анастасия Анатольевна предсказала правильно: «Разжаловать в рядовые и уволить из армии».

Дело было передано в гражданские инстанции. Лесничий угодил в обычный следственный изолятор. Там его, правда, поместили не в общую камеру, а в одиночку.

Пожилой, но по-юношески прыщавый вертухай даже объяснил ему причину:

– В общих камерах больше половины подследственных – кавказцы. Ночью подушку на лицо, сядут сверху, и никакая боевая подготовка не спасет. Спать ты все равно когда-нибудь захочешь.

– И на том спасибо, – мрачно поблагодарил Сергей Ильич.

– Не за что. Все равно к тому дело идет. На зоне тоже больше половины с Кавказа. Но там уже не наша забота. А нам ЧП не нужно.

Тут Сергей Ильич вдруг вспомнил один момент, внешне незаметный, но по-своему критичный. Он понял, что будет происходить дальше, сообразил, что на зоне ему прописку не дадут.

При его задержании пузатый полицейский майор сказал:

– Руки подставляй, старлей.

В тот момент Лесничий был в полевой форме. Ночью три маленькие темные звездочки на его погоне рассмотреть было никак невозможно. К тому же майор заранее знал, что у старшего лейтенанта был с собою пистолет. Однако видеть оружие он не мог. Значит, сообщили, предупредили.

С этого момента Лесничему стало понятно и помещение его в одиночную камеру. Конвоир и сам причину, скорее всего, не знал. Ему велели так сказать арестанту.

Сергей Ильич стал ждать визитера, который должен был навестить его в этой камере. Тот пришел уже на следующий день.

Громко заскрежетал ключ в замке. Сухощавый, даже щуплый, жилистый и седовласый не по годам полковник с красным, будто обгоревшим на солнце лицом вошел впереди вертухая. Тот, видимо, заранее знающий свои обязанности, в камеру не шагнул, а дверь снова закрыл на ключ со стороны тюремного коридора.

Полковник был в повседневной форме, носил погоны общевойсковика с красными просветами. Но бывший старший лейтенант Лесничий сразу заметил на тыльной стороне ладони небольшую татуировку с изображением парашюта и еще чего-то, что трудно было разобрать.

Сергей Ильич знал, что такую картинку наносили себе давным-давно солдаты-десантники. Наверное, нынешний полковник когда-то был таковым. Судя по внешнему виду, это происходило где-то в начале восьмидесятых годов прошлого века. Но сейчас мундир полковника говорил о том, что он представляет совсем другую службу.

– Полковник Селиверстов из ГРУ, – представился он.

– А я подумал, что вы из пожарной команды. – Несмотря на скуку от отсутствия развлечений, Сергею Ильичу совсем не хотелось соблюдать вежливость.

Он без труда просчитал, что попал в камеру стараниями именно этого вот полковника.

– Вставать положено при появлении старших по званию, – напомнил Селиверстов.

– Погоны с меня вашими стараниями уже сняли, товарищ полковник.

– Моими стараниями?

– Не держите меня за дурака. Я понимаю, что это вы создали обстоятельства для такой моей длительной и не слишком забавной экскурсии в СИЗО. Не знаю только, что вам от меня нужно. Но это, думаю, сейчас выяснится. Опять же вашими стараниями.

– Ты интересно мыслишь, старлей. Но сначала я хотел бы выяснить кое-что другое. Ты украл из папки с делом у адвоката Анастасии Анатольевны канцелярскую скрепку. Я сам ее туда вложил для тебя. Я не мальчик, прекрасно понимаю, что с помощью канцелярской скрепки можно без проблем снять наручники при перевозке в автозаке и в нужный момент открыть дверь клетки. А дальше весь побег – уже дело техники. Для того я эту скрепку в дело и вставлял. Было проколото колесо у автозака, созданы все условия для побега. Старший сержант Лукоморьев с первым отделением твоего бывшего взвода выставлялся в поддержку тебе. Почему ты не бежал?

– Вы не знаете, что в кабинете, где я беседовал с адвокатом, есть скрытые видеокамеры? Я две сразу определил и закрылся от них. Пытался незаметно забрать скрепку, но наблюдатели за пультом, видимо, ждали этого. Они все видели с другой камеры, которую я не нашел, и скрепку у меня забрали сразу по возвращении в камеру. Спасибо еще, что по физиономии не накатили. На первый раз ограничились устным предупреждением. Достаточно категоричным.

– Не смог, значит, убежать.

– Почему? Просто не было желания. При острой необходимости убежал бы обязательно. И разрешения бы не спрашивал.

– Как так? Не очень понимаю. Объясни. Я уже сказал, что ты интересно мыслишь, но не улавливаю логической связи в твоих раздумьях.

– Все гораздо проще, чем может показаться. Я ждал вашего прихода, товарищ полковник, и понимал, что вы сделаете мне какое-то конкретное предложение, соответственно, обеспечите и побег.

– Как догадался?

Сергей Ильич не постеснялся высказать полковнику нравоучение. Отсутствие погон на плечах позволяло ему такую вольность.

– Исполнителей нужно подбирать лучше, товарищ полковник. Тот майор полиции сразу после драки назвал меня старшим лейтенантом, хотя в темноте мои погоны увидеть не мог. Еще он знал, что у меня пистолет с собой, хотя тот был в кобуре скрытного ношения. Есть еще мелкие нюансы, о которых не скажу, чтобы вы в следующий раз никого не подставили так, как меня.

– Хорошо, старший лейтенант. Это мне урок на будущее. Я проанализирую ситуацию. Но ты ждешь предложения.

– Жду, товарищ полковник. – Лесничий все же встал, как и полагается военнослужащему при разговоре со старшим по званию.

Но когда полковник шагнул к табурету, привинченному к полу, и сел, старлей снова опустился на свою жесткую кровать, готовый слушать.

– Что ты знаешь о ЧВК?

– Практически ничего, товарищ полковник. Мне известно, что за границей существуют частные военные компании. О наличии таких в нашей стране я пока не слышал, хотя вполне допускаю, что они могут быть.

– А ты не имеешь желания возглавить небольшое боевое подразделение в такой компании?

– Насколько небольшое?

– Для начала мы выделим тебе шесть человек.

– Я не могу сказать, будет ли этого достаточно, поскольку ничего не знаю о задачах, которые предстоит решать группе. Хотя способен предположить, где придется работать.

– Догадаться не трудно.

– Новороссия?

– Чуть западнее. Украина. Новороссия должна стать только базой.

– Задачи?

– Отыскивать нужных людей и доставлять их в Россию.

– Нужные люди – это кто?

– Вообще-то разговор ведется о военных преступниках. Значит, принципиальное согласие получено?

– А у меня есть возможность выбора?

– Есть. Зона…

– Это мне не глянется. Считаю, что выбора нет. Хотя не одобряю ваших методов. Думаю, я мог бы согласиться и без принуждения.

– Вот и отлично. Будем обсуждать детали твоего побега. Остальное чуть позже и в другой обстановке. Не возражаешь?

– Никак нет, товарищ полковник.

– Предупреждение только одно. После побега никаких контактов ни с кем. Даже звонок семье может привести к провалу.

– Это понятно, товарищ полковник.

– Значит, выглядеть все будет предельно просто.

Побег – дело обычно сложное и в планировании, и в исполнении, но не слишком, если тебе помогают те люди, которые обязаны тебя охранять. Сергея загнали в автозак, заднюю дверь закрыли снаружи на ключ.

Охранник, который устроился против клетки с арестантом, сказал до того, как завелся двигатель, чтобы не перекрикивать его шум:

– У меня челюсть была сломана вот здесь. – Он ткнул пальцем. – Если даже бить не слишком сильно, она все равно сломается. А сознание потерять я сумею. Действовать будешь, когда остановимся в дороге.

Значит, все шло так, как обговаривал и Лесничий с Селиверстовым. Сейчас полковник с делом, кажется, справился вполне успешно. По крайней мере, на начальном этапе.

Но и сама-то проблема была из серии «Элементарно, Ватсон». Если бы поступил приказ, то Сергей Ильич сумел бы сбежать и без помощи извне. Благо вертухаи постоянно предоставляли ему такие возможности.

Машина тронулась, скрипя и повизгивая всеми сочленениями. Бывшего командира взвода вроде как везли в ФСБ. Представители этой конторы заинтересовались, зачем одному из бандитов понадобились документы офицера спецназа, и решили прояснить этот момент.

Вертухай помогал ему в побеге, но Лесничий все же не показывал, как готовит себе отмычку. Полумрак позволил Сергею незаметно вытащить из рукава проволоку, уже загнутую нужным образом, и открыть замок наручников. Но снимать их он пока не стал.

Машина остановилась в нужном месте. Это предусматривалось планом.

– Замок сам откроешь? – спросил вертухай.

Сергей Ильич снял наручники, за три секунды справился с замком своей клетки и вышел к охраннику.

Тот встал, зачем-то расстегнул кобуру и сказал:

– Пистолет не забирай. Пусть со мной останется. Тебе оружие дадут. Бей!..

Удар был коротким и резким. Вертухай имел высокие актерские способности или сразу отключился по-настоящему и почти с удобством уселся на свое место. Очень вовремя. Заскрипел замок открываемой наружной двери.

– Помоги колесо сменить. Наглухо лопнуло, – сказал другой вертухай, не видя в темноте, с кем говорит.

– Ага. Сейчас, – пообещал Лесничий и сверху нанес удар ногой.

Тяжелый армейский башмак сработал на совесть. Вероятно, и перелом челюсти опять обеспечил. Сергей Ильич поймал себя на том, что бил в то же место, куда и первого вертухая. Это произошло непроизвольно, но эффект был аналогичным.

Мужик раскинул руки, грохнулся на асфальт и крепко ударился затылком о дорожное покрытие. Он, наверное, заработал еще и сотрясение мозга. Но это вина тех, кто обучает вертухаев. Падать тоже следует уметь, даже на инстинктивном уровне.

Сергей устал от запаха камеры, ощущал его даже в автозаке. Сначала он сделал глубокий вдох через распахнутую дверь и только после этого выпрыгнул на асфальт.

Рядом с машиной, широко расставив ноги, уперев руки в кунг, замер водитель. А куда деваться, когда в спину тебе упираются два автоматных ствола?!

Здесь же оказался старший сержант Лукоморьев, натянувший на лицо маску. Но она не помешала Лесничему узнать сержанта. Еще несколько солдат, тоже в масках, находились здесь же и контролировали дорогу.

– Привет, Леха! – тихо сказал Сергей Ильич. – Куда?

– Здравия желаю! Туда. – Лукоморьев ткнул рукой в сторону боковой улицы и побежал первым.

Чтобы водитель не особо суетился, он получил четко дозированный удар прикладом по затылку и залег отдохнуть рядом с простреленным колесом.

Лесничий сразу отметил, что все солдаты были в камуфляже, но без погон и нашивок. Их можно было принять и за хорошо организованных бандитов. Хотя у братков редко встретишь такую выучку и согласованность действий.

Но в нынешнее время кто угодно может носить камуфлированные костюмы и берцы. Потому любые обвинения следственных органов можно будет отправить по адресу как беспочвенные и недоказуемые.

Лесничий легко включился в темповой бег, по которому успел соскучиться.

В боковой улице через квартал они свернули направо и пробежали еще тридцать метров. Там стояли два зеленых «уазика», в которые все с разбегу и загрузились.

Хлопнули двери. Машины тронулись, и на первом же перекрестке разъехались в разные стороны.

Только после этого Лесничий посмотрел на переднее пассажирское сиденье. Там устроился Селиверстов. Тоже в камуфлированном костюме без погон.

– Все нормально, старлей? – не таясь от солдат, спросил полковник.

Бойцы спецназа ГРУ обучены не слышать то, что предназначено не для их ушей. Сотрудники этого ведомства, какую бы должность они ни занимали, хорошо знают, что болтунам убежать не помогают. Их ликвидируют.

– Все нормально, товарищ полковник. Только я уже бывший старлей.

– На приговор трибунала можешь не обращать внимания. Все документы следствия и решение суда из компьютера трибунала уже стерты. Бумажные документы тоже куда-то пропали вместе с журналом регистрации. Там вообще не самые аккуратные люди работают! Беспорядок у них. Слона потерять могут. Одно название – канцелярия.

– Но у меня все документы изъяли.

– Не переживай. Их переслали нам, как и полагается. Они сейчас лежат в моем сейфе. А ты пока получишь другие. Будем считать, что ты временно числишься офицером запаса. А потом что?.. Вдруг тебе понравится служба в ЧВК?
Я надеюсь, что так оно и будет.

– А гражданский следственный комитет?

– Там сложнее, но все будет подчищено в течение двух дней. То же самое и с розыском. Тебя же, беглеца, обязательно отлавливать станут. Но мы все уладим, не переживай. В розыск уйдут фотографии офицера, погибшего два года назад. Пару первых дней тебе придется походить в парике и с накладной бородкой. Это не долго. Пока идет зачистка документации. Выдюжишь такую маскировку?

– Нет проблем. Терпеть неудобства я давно привык.

– Ну и молодец! Я рад, что ты такой сговорчивый.

Глава 2

Машины соединились в колонну на выезде из города. Там же, во время короткой остановки, были навешаны обычные военные номера. Солдаты обрели погоны.

Лесничий как сел с Селиверстовым, так с ним и ехал. До Москвы они добирались все тем же транспортом, хотя расстояние было не маленьким. На это ушли остатки дня, вечер и значительная часть ночи.

Сергей Ильич на своей машине не однажды преодолевал этот путь. В сравнении с его «корейцем» «уазик» проигрывал безоговорочно. Российская сборка была заметна. Машина дребезжала всем, чем только можно было, но двигатель тянул и скорость не снижалась.

Приехали они, по сути дела, уже под утро, хотя это время и называется ночным. До начала рабочего дня была еще возможность отдохнуть. Привычных четырех часов сна, принятых в спецназе ГРУ за норму, Сергею Ильичу вполне хватило

на то, чтобы чувствовать себя в боевой форме.

Солдаты-спецназовцы во главе с исполняющим обязанности командира старшим сержантом Лукоморьевым на тех же двух машинах уехали в расположение бригады сразу же, как только высадились старший лейтенант с полковником. Отделение свою работу выполнило на «отлично». Такую оценку им поставил сам Лесничий.

Офицеры отдыхали в какой-то квартире, наверное, служебной, каких у ГРУ имеется великое множество. Сергей Ильич был вынужден отказаться от привычной пробежки, но интенсивную силовую зарядку все же провел. Вместо тренажеров он использовал мебель. От статического сжимания деревянной спинки сам стул не деформировался, а нагрузку мышцам давал. Нашли применение и другие предметы мебели.

За этим занятием Лесничего и застал полковник. Он намеревался разбудить Сергея, но делать этого не понадобилось. Сам Селиверстов, судя по воспаленным глазам, вообще не ложился.

Офицеры быстро собрались и куда-то поехали. В машине они не разговаривали. Лесничий понял, что этот водитель, пусть и военный, не в курсе дел полковника. Тот знал, что и при ком можно говорить открыто. Профессиональная привычка.

– База нам готова будет к сегодняшнему вечеру, – сообщил полковник, когда они вышли из машины. – Недалеко от Москвы. Пока останемся здесь, в тесноте. – Последовал кивок на высотное современное здание. – Но это не долго. До вечера, думаю, дотерпим.

На двери офиса висела табличка с надписью «Волкодав». И все. Без объяснения, что же это за фирма такая.

В комнате, расположенной на четвертом этаже высотного корпуса, Лесничий ознакомился со списком своих непосредственных подчиненных. Вдруг он найдет знакомых, которые могут оказаться дельными помощниками при подготовке группы к работе, или же, наоборот, по каким-то причинам непригодными.

Личный состав боевой группы частной военной компании был, оказывается, уже утвержден, хотя пока еще лишь предварительно. Изменения допускались.

Как и предполагал Лесничий, официально возглавлял компанию Селиверстов. Хотя в этом случае он назывался не полковником ГРУ, а индивидуальным предпринимателем. Но в состав боевой группы полковник, естественно, не входил.

– Только одного знаю, – сказал Сергей. – Витю Иващенко. Он мой земляк. Из Краснодара. Не из самого города, а с Краснодарского края. С Кубани, как говорят. Мы несколько раз участвовали в совместных учениях. Однажды в командировке вместе были на Северном Кавказе. Там его неприятности и застали. Кажется, двух офицеров полиции застрелил. Подробностей я не знаю, в курсе только, что местных, дагестанцев. Это дело с какой-то стати рассматривалось как проявление межнациональной вражды, а не как способ кардинальной борьбы с коррупцией. Тоже под трибунал попал. Он сейчас, насколько я знаю…

– Был там, насколько мне известно, – перебил его Селиверстов. – Вчера убежал. Подробностей пока не знаю. Остальные тоже обретались в местах не столь отдаленных. Все вчера-позавчера убежали. По крайней мере, должны были. Надеюсь, что получилось у них. Сейчас они в розыске. Прямо поветрие какое-то. Спецназовцы убегают, пусть и бывшие, но боевые офицеры. Нас, конечно, спрашивают, собирают о них данные. А что мы можем дать? ГРУ – не адресное бюро. Даже бывшие наши сотрудники остаются людьми негласными. Так что помочь МВД мы не можем. Они никого с разбегу поймать не сумели. Думаю, теперь уже поздно. Ум у ментов другого калибра. Иващенко же приблизительно через час, надеюсь, будет здесь. Дорога не близкая. Проверим заодно, как он умеет посты обходить. Я думаю, его по всем дорогам ищут. Могут, если попадется, стрелять на поражение. А Иващенко имеет только два пистолета Макарова. Сумел у охранников реквизировать. Но лучше было бы, чтобы он втихомолку посты проходил. Без эксцессов. Незачем попусту ментов пугать и лишние заботы на себя брать. Нам ведь не каждое дело удается замять.

– Ему, как мне, не помогали?

– В тебе никто не сомневался. А он в таком деле не проверялся. Кроме того, Иващенко отбывает срок за действительное преступление. Это в отличие от тебя. Ты вообще мог бы угодить за решетку без всякой вины. Кто мог предположить, что эти дураки на вокзале решат себя обезопасить наличием кухонного ножа. Они знали, что придется работать против офицера спецназа,

согласились получить деньги за то, что будут избиты. Все трое спортсмены-борцы. Двое просто мастера спорта, третий – международного класса.
Не поверили сразу, что ты их сделаешь. Парни крепкие, тертые. Зачем тогда нож взяли? Дурная привычка? Что за джигит без кинжала! Сами виноваты.
С Иващенко вопрос другой.

– Боюсь, его могут где-то тормознуть. Слишком он заметный – рост немногим меньше двух метров. Попробуют взять, и это плохо для полиции кончится. Витя стреляет на бегу с двух рук без промаха. Из любого оружия. Даже сразу из пары автоматов. В его лапе «калаш» как пистолет в руке у обычного человека смотрится.

– Это я знаю. Но ему дали адрес, на который следует прибыть. Сюда вот, в этот кабинет. Порекомендовали – не приказали! – по возможности обходиться без жертв. Я не знаю, может быть, обстановка строгой зоны его ожесточила, и вертухаи сильно достали? Тогда он действовал предельно жестко. Хорошо, если трупов за собой не оставил. Нам с тобой шума не надо. Если за спиной покойники – искать будут усиленно. Но разбираться с этим не нам, а ментам. Наше дело другое. Главное, Иващенко получил команду. Я думаю, он прибудет, как и все остальные. Последний бегун обязан появиться до завтрашнего вечера. Это крайний срок. Жди звонков, будут обращаться непосредственно к тебе, к своему командиру.

– Куда мне звонить? У меня трубку менты еще на вокзале отобрали.

Полковник вытащил из ящика стола и протянул Лесничему трубку.

– Вот тебе замена. Это хороший смартфон. Вполне приемлемая скорость работы в Интернете. Но главное в том, что аппарат с кодировкой разговора. Прослушать практически невозможно. Особенно если второй абонент пользуется таким же аппаратом. У меня он есть. Всем шестерым твоим будущим подчиненным наши люди должны были перед побегом передать их. Номера внесены в список контактов. Потом поинтересуешься. В ящике твоего стола лежит коробка с очками. В них экшн-видеокамера. Там же и инструкция. Надеюсь, может сгодиться. Сами очки солнцезащитные, но не сильно тонированы, поэтому носить их можно повседневно. Ты, Сергей Ильич, между прочим, как к учебе относишься? Не все, надеюсь, еще знаешь?

– Всю жизнь учусь, товарищ полковник.

– Сегодня вечером, когда на базу поедем, заскочим в одно место, возьмем кое-какую аппаратуру и специалистов. Будешь прямо на базе учиться.

– По какой специальности?

– По спецтехнике, пока не состоящей на вооружении, но уже испытанной в том же Донбассе самими разработчиками и уже используемой ополчением. Народные умельцы на Руси не перевелись. На свои скудные средства разрабатывали и передавали ополчению. Простые энтузиасты. Спецы на них, как и полагается, косо смотрят. Но они профессионалов во многом обошли. Кстати, тебе придется писать отзыв об аппаратуре. Если дашь положительный, то будем принимать в части спецназа ГРУ. Даже оплатить закупку сумеем. А пока теперь вот что. Не надо терять время в ожидании Иващенко. – Селиверстов повернулся к сейфу, распахнутому за его спиной, вытащил не слишком толстую папку и положил на стол перед Лесничим. – Это данные на людей, против которых тебе предстоит работать. Семь человек. Все они военные преступники и враги России. Двое открыто призывали к уничтожению российских журналистов. Двое воевали еще в Чечне. Необходимо будет проверить, участвовали ли они в уничтожении российских граждан. В этом местные парни помогут. У них есть возможность собирать данные, имеется агентура на стороне укропов и возможность допрашивать пленных. А сами эти ублюдки – новые украинские фашисты. Тупые и упертые. Психически, думается, нездоровые. Твоя задача: найти их и обезвредить, или доставить на территорию России. Второе предпочтительнее, но это не обязательное условие. Все будет зависеть от обстоятельств. Возможен даже вариант с передачей их властям Новороссии. Там с ними тоже с удовольствием пообщаются. Но это все вторичные люди. О главном объекте твоей охоты поговорим позже, когда привезут данные на него. Думаю, это произойдет сегодня. Еще важный момент. С собой – туда! – эти документы тебе никто не даст. Ты посмотри их, запомни суть. Если с деталями будут проблемы, то есть иной вариант.

– Думаю, товарищ полковник, выучить все – слишком сложно. Я вижу, тут большие данные по связям, родне, адреса, даже планы домовых угодий. Сгодиться может каждая мелочь. А какой есть еще вариант, товарищ полковник?

– Когда наши специалисты копались с трубками, готовили их для оперативной работы, они предлагали поставить внутрь программу самоуничтожения и активации взрывного устройства. Если кто-то попробует пользоваться аппаратом без введения пароля или троекратно наберет неверный, гаджет взорвется. То же самое произойдет и при попытке вскрытия корпуса. Мы прикинули все «за» и «против» и разрешили подготовить семь экземпляров. Значит, если выучить будет сложно, сделаешь фотографии каждой страницы и будешь держать их в памяти трубки. К укропам эти сведения не должны попасть ни под каким соусом, поскольку наши действия по международным законам могут рассматриваться как сомнительные. А нам и без того приписывают много смертных грехов. Монитор не самый большой, но достаточный. Всегда прочитать можно. Наверное, так даже лучше. Незачем голову забивать лишним хламом. Она думать должна. Ты пока читай, знакомься. Мне нужно на службу съездить на часок-другой, поэтому я тебя оставлю. Если Иващенко явится, принимай его под свое командование. Он знает, что ты здесь. С тобой работать согласен, как и все остальные, хотя они тебя пока, кажется, не знают. – Полковник встал и закрыл сейф.

Ключ лязгал точно так же, как и другой, поворачивавшийся в двери камеры.

Бывший старший лейтенант спецназа ГРУ сидел в кабинете и читал материалы, оставленные ему полковником. Дверь вдруг распахнулась слишком резко, без предварительного стука, то есть не совсем, мягко говоря, вежливо. За порог один за другим шагнули два неприятных типа.

Первое впечатление было такое, что они пришли из крутых девяностых годов. На парнях были не спортивные, а вполне цивильные костюмы, но манерой поведения они явно кому-то подражали. Вероятно, героям отдельных фильмов о девяностых.

Ребята крупные. Оба около центнера весом. Маленькие наглые глазенки на толстых физиономиях смотрели требовательно, с пренебрежением и с вызовом. Словно эти парни пришли сюда, в кабинет, попинать стулья и вообще навести здесь свой порядок.

Добра от этого визита ждать не приходилось. Сергей Ильич понял это сразу, но вида не подал. Он слышал, что такое рэкет, но в силу специфики своей

службы сам не встречался с персонами, занимающимися этим ремеслом.

– Привет! – запросто, как старому знакомому, резко крикнул Сергею один из незваных гостей, младший по годам, но явно старший по субординации. – А где тот старый хрен, который этот офис арендовал?

Своим грубым выкриком стокилограммовый мальчонка явно хотел ввести Лесничего в замешательство, но добился только спокойной ухмылки.

– Это ты про кого? – невозмутимо спросил Сергей Ильич, закрыл папку с материалами и убрал ее в стол.

– Я что, не по-русски спрашиваю? Мне нужен тот мужик, который аренду оформлял.

– Георгий Игоревич? Нет его. – В голосе Лесничего опять, как и тогда, рядом с вокзалом, зазвучало откровенное мурлыканье.

Но московские бандиты знали кошачьи повадки не лучше своих кавказских собратьев. Они не поняли, что им грозит беда, да и не привыкли, похоже, к тому, что их кто-то может резко осадить.

– А ты кто?

– Сотрудник.

– Понятно. А теперь расскажи мне, сотрудник, что тут у вас за странная фирма такая? Почему «Волкодав»? Собак, что ли, разводить собираетесь?

– ЧВК «Волкодав». Что тут странного? Тебе название не нравится? Так это дело вкуса.

– Может, я волк по натуре своей, сильно испугался и захотел узнать, что это за фирма? Вдруг бежать от вас подальше нужно?

Лесничему надоел этот крик. Уши у него устали, хотя нервная система еще терпела.

– Фирма, в которой работают люди, обученные волков давить. Таких вот, как ты. Потому советую – беги, волк, пока не поздно.

– Да ну?.. – парень не слишком-то испугался.

Должно быть, давно его со вкусом не били. Да и семьдесят пять килограммов веса старшего лейтенанта особого впечатления на братков не производили.

Мальчики переглянулись и уселись на письменный стол перед Лесничим. Он, к удивлению Сергея Ильича, их выдержал. Но его собственные нервы терпеть уже не могли.

– Вам, молодые люди, собственно, какого хрена здесь надо?

– Не догадываешься?

– И гадать не собираюсь. Вы мне мешаете работать.

– А ты и не будешь здесь работать, если мы не разрешим. И твой старый хрен тоже. Соображаешь, что к чему?

– Рэкет, что ли? – спросил Лесничий.

Он уже давно прочитал ситуацию, предвидел развязку, и не пожелал Лесничий входить в долгое пикирование словами. Сергей говорил напрямую, с улыбкой и пренебрежением профессионала к дилетантам, считающим себя сильно крутыми.

В этот момент он увидел, как без скрипа приоткрылась дверь. В кабинет из коридора просунулась очень большая по размерам кисть руки. Два пальца, большой и указательный, соединились в кольцо.

В американском обществе этот жест означает «о’кей», то есть то же самое, что в российском – поднятый большой палец. В спецназе же такой знак показывает, что напарник понял задачу и готов к ее выполнению.

Сергей Ильич был человеком опытным, все понял правильно. Он хорошо знал, кому принадлежит эта громадная кисть.

– Или я чего-то не понимаю. Говорите прямо, ребята, – заявил Лесничий.

– Нахватались иностранных словечек! – посчитав, что его могут принять то ли за немого, то ли за тупого, и не соглашаясь с этим, вступил в разговор второй центнер. – По-русски это называется просто – охрана. Чтобы никто не наехал. У нас стопроцентная гарантия качества. Никто пока не жаловался. Не считая тех, кто не желал наших услуг.

– Короче говоря, дело обстоит так, молодые люди. Тут кто-то, помнится, бежать от волкодавов хотел подальше? Я уже дал совет. Повторяю его. Бегите оба! Пока я добрый, отпускаю вас, но через несколько секунд уже могу передумать.

Парни встали, с самодовольной улыбкой переглянулись, словно согласовывая свои действия. Они отработанным, выверенным движением взялись каждый за свой угол стола и хотели опрокинуть его на Лесничего.

Сергей Ильич сработал на опережение, выбросил в разгиб обе руки. Удары при этом получаются не самыми сильными, поскольку в них невозможно вложить вес тела, но очень резкими. Они наносятся жесткими костяшками пальцев и обычно бывают очень болезненными.

Центнеры дружно оставили в покое стол и отскочили назад. Старший с угрожающей ухмылкой вытащил из-под пиджака нунчаки. Младший потрогал свою рассеченную скулу, собрал на палец кровь и лизнул ее, пробуя на вкус.

– У нас такое не прощается, – сказал он и резко вытащил из кармана газовый баллончик. – Кровь пролилась. Значит, дело началось. Требуется продолжение. Потанцуем?

– Запросто, – почти благодушно согласился второй центнер, приподнимая нунчаки. – Я человек нервный…

Тут же оба замерли, сразу поняли, что произошло. Не сообразить было трудно.

Дверь распахнулась. Бывший старший лейтенант Виктор Юрьевич Иващенко одним скользящим шагом, словно по льду с разбега прокатился, преодолел расстояние до центнеров, каждый из которых достигал затылком лишь его мочки уха. Он обхватил ребят за жирные шеи, прижал одного к другому и приставил к голове каждого по пистолету.

Так уж получилось, что стволы он приложил крест-накрест, из правой руки к левому от себя братку, из левой – наоборот. Но такому гиганту это было ничуть не сложно.

– Куда эти сосунки лезут, Сергей Ильич? – спросил Иващенко. – Таких надо сразу убивать. У меня внизу машина стоит. Фургончик. Могу вывезти трупы. Я думаю, все постараются не заметить их отсутствия. Выносить будем, люди отвернутся, чтобы не видеть. Воздух в здании сразу станет чище. Что прикажешь, командир? Решай, пока они не обгадились. Чувствую уже, что мокрые. Ты, козленок, чаки положи на стол! А ты баллончик поставь!

– Я им просто объясню, – спокойно сказал Лесничий. – ЧВК – это частная военная компания. У нас работают бывшие офицеры спецназа военной разведки, так называемые волкодавы. Отсюда и название. Если желаете потягаться силами – вперед и с песней. Но могу гарантировать, что жить вам осталось не долго. Даже если вас будут искать, в чем я сомневаюсь, то все равно не найдут. Так что, сынки, вы желаете выяснять отношения?

– Мы все поняли и уже уходим. Просто поинтересоваться хотели, – предельно воспитанно сказал младший центнер, вытирая кровь со скулы уже не пальцем, а рукавом, поскольку она теперь бежала сильнее – давление, похоже, резко подскочило. – Вопрос ясен, мы претензий не имеем.

– Зато я имею, – сказал Иващенко. – Я, ребята, только вчера с зоны, давно никого не бил. Скучаю. Очень хочется руки размять. Не возражаете? – Бить он, однако, не стал, просто резко и быстро несколько раз топнул ногами и убрал свои лапищи с перекормленных загривков.

Центнеры покинули кабинет гораздо стремительнее, чем входили в него. Как колобки выкатились. Лесничий только головой покачал, удивляясь стремительности, с которой передвигались мальчонки. По внешнему виду трудно было этого от них ожидать.

– Привет, командир, – сказал, наконец, Иващенко, опуская руки с пистолетами. – Согласно приказу, прибыл в твое распоряжение. Здравствуй, Сергей Ильич!

– Рад, что ты так удачно пожаловал, Виктор Юрьевич. – Лесничий протянул руку. – Все бы и всегда так приходили!

– Дело, я думаю, задумано хорошее. Полезное, – проговорил Иващенко где-то через полчаса. – Давно пора такие компании создавать. Грубо говоря, могли бы и меня попросить, я бы на зоне хороший коллектив подобрал. Там тоже стоящие парни есть. Хотя я понимаю, что первая компания может оказаться тем самым блином, который всегда комом. Именно поэтому в ее стройные ряды пригласили меня с моей репутацией и грехами. Есть на кого списать в случае неудачи. Подскажи, кто нами будет командовать?

– Полковник Селиверстов из диверсионного управления ГРУ. Знаешь такого?

Сергей Ильич ответил только на прямой вопрос, не вдаваясь в рассуждения о том, почему частная военная компания формируется таким вот не совсем стандартным образом. Он, в принципе, понимал, что их отправляют не просто в горячую точку, а в горящее пекло, где случиться может всякое.

Другие люди способны потом стать распространителями закрытой информации. На военных разведчиков обычно можно положиться. Они, как правило, не имеют склонности к болтливости. Тем не менее кто-то наверху, видимо, решил перестраховаться. Случись что, произойди провал, беглые заключенные в последнюю очередь начнут разглашать свои дела.

– Это такой седой, сухощавый, жесткий, чуть ли не колючий внешне?

– Да.

– Встречались как-то. Он тогда еще подполковником, кажется, был. Вроде бы мужик деловой. Но это только внешнее впечатление.

– Посмотрим. Я его мало знаю. Может быть, меньше, чем ты.

– Сколько нас будет? Большая группа?

– Еще пять человек идут твоим же путем.

Иващенко вопросительно поднял густые черные брови, занимающие добрую треть лба.

– В смысле?..

– Из зоны. Получили приказ прибыть к новому месту службы. Все из нашей системы, прошли Северный Кавказ, имеют опыт первой крови.

– И как сматывались? Тоже через пожар?

Лесничий не понял.

– Какой пожар?

– А что, вы не нашли информации о моем побеге? Ну да, ФСИН не любит об этих делах объявлять. Они обычно просто говорят, что совершен побег, и ничего больше. Я там сначала заболел, а потом устроил пожар в лазарете.

– Чем заболел?

– Чихал на весь барак, грозился всех жестоко заразить. От меня вертухаи в панике разбегались как тараканы!..

– Канцелярский клей? – Лесничий усмехнулся.

Он и сам еще в школьные времена пользовался таким же методом, чтобы прогулять уроки и сходить на футбольный матч с участием любимой команды.

– Да. Высушил, растер в порошок, нанюхался, и сопли во все стороны полетели. Отправили меня в лазарет. Врач констатировал непроходимое и умопомрачительное ОРЗ. Я устроил пожар, чтобы согреться, потом спеленал, как грудных детей, двух конвоиров, изъял у них стволы, и дай бог ноги!

При пожаре переполох начался. Из лазарета еще целая толпа сбежала. Без моей помощи сообразили. Не меньше десятка, как я видел. Никто особо за нами не следил. Порядка там не было и нет.

– Еще вот что. Вопрос важный. Ты груз двести за спиной не оставил?

– Меня попросили аккуратно работать. Я старался.

– Цивильную одежду где раздобыл?

– Самый сложный вопрос. Найти человека моего роста сложно. Пришлось во дворец спорта в одном городке рядом с зоной наведаться. Слышал по разговорам, что там баскетбольная команда есть. Выбрал подходящего по размерам парня. Попросил поделиться одеждой.

– Не сильно бил?

– Зачем бить? Спортсмены думают быстро. Пистолет увидел, все понял. Только попросил документы из кармана отдать. Паспорт и водительское удостоверение. Я отдал. Мне не жалко. Я же не вор какой-то.

– Как до Москвы добирался? Дороги-то все перекрыли.

– Нормально. В фуру к дальнобойщикам забрался, так и доехал. Сначала чуть мимо Москвы не пролетел, но успел покинуть транспортное средство. На ходу десантировался. Час пешком до Подольска. Там машину угнал. Легковой фургончик. Водитель был пьяным. Нельзя же его за рулем оставлять! Я связал этого фрукта и выложил на дорогу рядом с полицией. Пусть подберут.

– Машина, ты говорил, внизу?

– Я так говорил?

– Рэкетирам.

– Это я для красного словца. Машину рядом со станцией метро оставил. На кольцевой линии. Оттуда можно в любую сторону добраться. Отпечатки

лапок полностью убрал.

– Это нормально. Значит, будем, Виктор Юрьевич, работать без помех. Почти без таковых, потому что они вполне вероятны. Особенно в первой стадии действий. С любой стороны. И от противника, и от командования.

– Будем работать, – согласился Иващенко. – Поскорее бы. А то у меня пальцы устали пружинные матрацы для кроватей собирать. А там труд только такой. Еще мне предлагали место библиотекаря в клубе, но это еще скучнее. Отказался. Руки другого просят.

Глава 3

Полковник Селиверстов приехал вскоре, весь сосредоточенный, озабоченный, и мрачно выслушал краткий доклад Лесничего о визите рэкетиров. В результате этого дела полковник не сомневался, поэтому даже не поинтересовался, чем оно закончилось.

Сергей Ильич не забыл подчеркнуть роль Иващенко, который мудро не вошел в кабинет сразу, а дождался момента, когда его появление будет неожиданным, приятным, даже решающим фактором.

– Меня предупреждали, что такое возможно. Этих гадов по России еще много осталось. Не всех вывели. Хорошо, что обошлось без полиции. Кстати, меня предупреждали, что и она может нагрянуть с теми же претензиями. В России такое пока еще бывает. Будьте осторожны. Не забывайте о своем положении. Я, кстати, привез парик и бороду для тебя, Сергей Ильич. Надо что-то подыскать и для Иващенко.

– Разве я настолько узнаваем? – тонко пошутил Виктор Юрьевич.

– Ему, на мой взгляд, не парик нужен, а хирургический топор, товарищ полковник. Чтобы ноги укоротить, – дал предельно мягкий, но конкретный совет Лесничий.

– Здесь, в этом здании, меня лучше величать не по званию, а по имени-отчеству – Георгий Игоревич. Мало ли кто по коридору проходит. А двери тут тонкие. Но у нас возникли проблемы. Я даже не знаю, удастся ли их решить, думаю, они существенно повышают степень риска.

– Мы можем помочь? – спросил Иващенко.

Полковник сурово хмыкнул и ответил:

– Только если вы входите в руководство Государственной думы. Лишь в этом случае. Да и то едва ли достаточно быстро.

– Я лично еще до такого не опустился, – высказал Иващенко, мягко говоря, глас народа.

– Меня тоже люди еще уважают и туда пока не звали, – добавил Сергей Ильич.

– К сожалению, – констатировал полковник Селиверстов. – Сейчас вопрос упирается в то, что существование частных военных компаний не предусмотрено российским законодательством. А наша Государственная дума такой неповоротливый механизм, что не в состоянии срочно подготовить ни один документ. Есть законы о вооруженной охране крупных корпораций. Там, кстати, разрешено ношение автоматического оружия, хотя строго регламентировано его применение. Есть законы о самых различных детективных и частных охранных структурах. Там на вооружении стоят и травматические пистолеты и помповые ружья. Но это все не для нас. При этом частные военные компании открыто работают практически во всей Европе, в США, Канаде, Израиле, ЮАР, Китае и во многих странах Латинской Америки. В них, между нами, разведчиками, говоря, зачастую оказываются наши бывшие специалисты. Высококлассные, подготовленные за счет средств российского бюджета. Они обучают персонал зарубежных компаний, передают свой богатый опыт. А у нас в стране ничего подобного нет. Законодательство не позволяет. Хотя мы могли бы и сами прилично зарабатывать, и в бюджет немалые средства приносить. Следовательно, мы пока – нелегальное и незаконное вооруженное формирование. По сути дела, бандиты с автоматами.

– Я и на это согласен. Только где же наши автоматы? – наивно поинтересовался Иващенко.

Полковник улыбнулся и ответил:

– Всему свое время. Оружие на базе, под замком и надежной охраной. Сегодня к вечеру мы туда поедем. Да, наши юридические и организационные проблемы следует как-то решать. Пока мы официально зарегистрированы как охранное предприятие, каких в России тысячи. Против названия возражений не было. Имелись только вопросы, на которые удалось убедительно ответить нашему командованию. В настоящее время закон о частных военных компаниях прорабатывается юристами и другими специалистами, но когда он будет готов и вступит в силу – никто сказать не может. А мы не имеем возможности ждать. Но у нас есть несколько путей обхода этого закона. По принципу дышла. Первый таков: мы официально не имеем серьезного вооружения, держим его нелегально. Второй: мы формируемся, готовимся, получаем задачи, отбываем к месту непосредственной работы, то есть в Новороссию, там получаем вооружение и все, что нам необходимо. Но на месте тоже с этим проблемы. У ополчения для себя не всегда хватает. А это означает возможность начала военной кампании с палками вместо оружия. Третий путь: мы вообще ведем себя как банда, полностью находимся вне закона, работаем на нелегальном положении, на всех наплевав. Естественно, на людях громко не свистим, проявляем определенную долю стеснительности. Четвертый путь: сложить руки и ждать появления закона. При этом боевые действия в Новороссии могут уже закончиться с тем или иным результатом. Что выбрать? Я лично пока предпочитаю первый вариант, уже заказал фиктивные документы на личный состав и на подразделение в целом. Если кто-то не прибудет, бумаги на конкретного человека вернуть недолго. Кто недоволен, вправе не согласиться и снова совершенно добровольно отправиться в камеру или в отрядный барак на зоне. Только разговор лучше вести сразу и начистоту. Чтобы не получилось так, что мы вложили в вас определенные усилия, связали с вами надежды, а вы воспользовались моментом и нас кинули. Казалось бы, нет ничего проще, чем перейти границу и спокойно осесть на той же Украине. Но вы сами знаете, в ГРУ предательство не прощается. Повторного намека не будет. Еще я желаю сразу вас предупредить вот о чем. Армейские порядки у нас сохраняются, действует авторитарная система управления. Все проблемы решаю я и, в зависимости от необходимости, ставлю в известность личный состав или же не делаю этого. Когда потребуется, я готов спросить у вас совета, могу уточнить приказ. Вопросы есть?

Лесничий переглянулся с Иващенко и ответил:

– Пока нет, Георгий Игоревич. Если будут, мы обратимся к вам.

Вопросы, конечно, были. Даже простейшие житейские проблемы еще не были обговорены и разрешены.

Оба бывших старших лейтенанта имели семьи, сейчас оказались разлучены с ними. А женам и детям всегда нужны какие-то средства для жизни. Чем больше, тем лучше.

Полковник Селиверстов вопрос оплаты пока не поднимал. Они, привыкшие за годы службы к тому, что командование за них многое решает, вопроса об этом еще не задавали. Хотя оба были уверены, что в данном случае денег получат не меньше, чем за участие в боевых действиях. Обычно такая оплата производится с коэффициентом «три» по сравнению с мирным временем.

Ожил мобильник Селиверстова, лежащий на столе.

Полковник коротко глянул на определитель, поднял гаджет. Видно было, что он давно уже ждал этого звонка.

– Здравия желаю, товарищ генерал! Слушаю вас. Да, я как раз сейчас конкретно об этом думал. Отлично. Вовремя. Где можно будет забрать? Хорошо. Я спускаюсь к выходу. Курьер меня в лицо знает? Хорошо. Так точно. Я в мундире. Да, лучше бы номер машины. Я запомнил. Уже выхожу, товарищ генерал. Я все хорошо понял. Так точно. Это первоочередная наша задача. Рассчитываю, что справимся. А сумма, извините, какая? Так точно, хватит. Я иду. – Георгий Игоревич убрал трубку, встал и с торжеством посмотрел на первых своих сотрудников.

Они уловили важность момента, встали и молча ждали какого-то сообщения.

– Итак, нам все-таки поручили достаточно серьезное дело, несравненно более ответственное, чем те, которые вы сейчас изучаете. Будем работать уже не против укропов, доморощенных фашистиков, возомнивших себя суперменами. Нам придется столкнуться с настоящим специалистом, опытным профессионалом. Может быть, даже с группой таковых. Я изначально настаивал

на этом деле. Вопрос наконец-то разрешен и утвержден на самом высоком уровне. Если все пройдет как надо, то для нас это будет большим испытанием и огромной удачей. Сейчас мне привезут материалы. Я выйду встретить машину. Уже должна бы, наверное, подъехать. Вы пока продолжайте свою работу, она тоже может быть востребована. Через пять минут вернусь, посмотрим материалы и обговорим все подробнее. – Полковник торопливо вышел.

Два бывших старших лейтенанта, причем Лесничий уже в парике и с бородкой, занимались изучением досье на тех, против кого им тоже, возможно, предстояло работать. После ухода полковника они ждали минут пятнадцать, потом Сергей встал и подошел к окну. Он оперся ладонями на подоконник, несколько минут смотрел вниз, на автостоянку, но Селиверстова не увидел. А ведь тот пошел именно туда.

– Куда наш полковник пропал? – спросил Иващенко.

Он хорошо понимал, что именно высматривал Сергей Ильич, и сам испытывал небольшое беспокойство.

Впрочем, Лесничий не так уж и долго разглядывал стоянку. Он вытащил трубку, которой еще ни разу не воспользовался, с непривычки не сразу, но все же нашел телефонную книгу и послал вызов.

Гудки тянулись один за другим. Долгие и нудные. Но полковник так и не ответил.

– Что-то случилось, – сделал спокойный вывод Лесничий, вздохнул и заявил: – Пойдем, Виктор Юрьевич, искать. Кроме нас некому.

– Где в этом здании искать? – спросил Иващенко. – Здесь, я думаю, не менее полусотни этажей. Все будем обегать и в каждом кабинете спрашивать, мол, у вас случайно не валяется полковник Селиверстов? Сверху начинать будем или как? – Виктор Юрьевич откровенно язвил.

Сразу после побега с зоны ему явно не хотелось сильно светиться перед множеством незнакомых людей. Он справедливо считал, что его описание уже разослано всем ментовским осведомителям.

Точно такие же основания проявлять осторожность были и у самого Лесничего. Но Сергей Ильич понимал, что искать надо.

Полковник спустился, чтобы получить от курьера какие-то важные документы и деньги. Кто-то мог посягнуть и на то, и на другое.

– Не думаю, что он выше нас забрался. Мы на четвертом. Будем исходить из самого правдоподобного варианта, – проговорил Лесничий.

– Резонно. Давай-ка начнем с первого. Там бабуля на вахте сидит. Долго меня допрашивала, к кому я и по какому вопросу. Никак пропускать не хотела. Название нашей фирмы ей ничего не говорит. Бабуля особая, носки на работе не вяжет, всех и все видит. Такой в разведке работать!..

– Ты на лифте, я пешком, – распорядился Лесничий, резко входя в деловой темп. – Можешь сразу со старушкой на вахте побеседовать. Здесь, наверное, не часто ходят люди в военных мундирах. Должна запомнить.

Сергей Ильич сразу сообразил, что лестница должна находиться в торце здания. Он прошагал по длинному коридору и вышел на лестничную площадку.

Чуть ниже, между третьим и вторым этажами, курили два молодых тощих парня. Они пускали дым в потолок, стряхивали пепел за радиатор отопления, сквозь краску которого проглядывала ржавчина, и прислушивались к звукам, доносившимся снизу.

Там разговаривали несколько человек, причем весьма возбужденно. Слов разобрать было невозможно. Это могло свидетельствовать о том, что здесь что-то случилось. Когда ты думаешь о том, что произошло с человеком, которого ищешь, любое непонятное событие невольно привлекает внимание.

Прежде чем спуститься, Сергей Ильич спросил курильщиков:

– Вы не видели здесь человека в мундире армейского полковника?

Они показали, что не понимают, и выдали на-гора по длиннющей фразе, похоже, на итальянском языке.

Лесничий еще не успел привыкнуть к тому, что в Москве много иностранцев, не говорящих по-русски. Итальянского языка он не знал, даже не был полностью уверен в том, что обратился с вопросом именно к представителям этой страны. Просто произношение показалось ему именно таким.

Бывший старлей махнул рукой на непонятливых курильщиков и стал торопливо спускаться ниже. На следующей лестничной площадке стояли двое мужчин и столько же женщин. Они тоже разговаривали на итальянском, сильно при этом жестикулируя.

Лесничий прошел мимо, спустился на первый этаж, оказался в холле и увидел Иващенко, идущего навстречу. Виктор Юрьевич двигался от входных дверей, где восседала за стойкой пожилая женщина, в настоящий момент допрашивающая какого-то человека.

– Поговорил с разведчицей? – с ходу осведомился Лесничий.

– Да, такая бабуля неплохо работала бы на нас. Особенно во вражеских тылах. Все видит, всех помнит. Полковник выходил с пустыми руками. Через пару минут вернулся, неся в руке кейс. Пошел к лифту. Тут еще местный народ толпился. Кабинка вмещает только пять человек. Полковнику и еще двоим места не хватило. Другой лифт, а их в нашем крыле всего два, вызывать не стали. Этажей много, ждать долго. Пошли в сторону лестницы. Парни эти местные. Кажется, с третьего этажа.

– Тебе кажется?

– Разведчице. Точно она не знает, поскольку по этажам не шастает. У нее и здесь работы хватает.

– Толковая бабуля. Лестниц две. По какой пошли?

– По которой ты спускался.

– На втором этаже итальянцы что-то активно обсуждают. Возбуждены. Может, что видели? Давай глянем. Вдруг выясним что-нибудь? Или переводчик подвернется? Что там за фирма у них такая?

– Архитектурное бюро.

– Ты еще договор о найме не подписал, а уже все знаешь.

– Вывеску на фасаде видел. Написано на итальянском, ниже – на русском.

– Идем. С клиентами они же должны по-русски беседовать. У них наверняка есть переводчик. Давай в темпе!

На лестничной площадке уже никого не было. Два бывших старших лейтенанта сразу двинулись в коридор второго этажа. Тем более что одна из ближних дверей была открыта. Из кабинета слышалась темпераментная итальянская речь, которую разве что в Одессе могли бы назвать нормальным разговором.

Иващенко, идущий впереди, шагнул за порог кабинета. Сергей Ильич собирался последовать за ним, когда услышал торопливые шаги за спиной и увидел, как с лестницы выходят два парня в медицинских халатах. За ними третий нес свернутые носилки. Бригада «Скорой помощи» двигалась прямо к открытой двери. Лесничий поспешил опередить медиков.

Георгий Игоревич лежал на коротком диванчике. Его ноги, согнутые в коленях, переваливались через боковую спинку и свисали. Полковник был без сознания. Под голову ему кто-то подсунул небольшую подушечку с другого дивана, покрытую какой-то клеенчатой бумагой. Рядом с затылком Селиверстова виднелись следы свежей крови.

– Что с ним случилось? – спросил Лесничий у итальянцев.

– Никто не знает, – отвечал низкорослый немолодой человек с блестящей загорелой лысиной. – К нам два русских парня заглянули. Сказали, видимо, что на лестнице человек упал, голову себе разбил, попросили вызвать «Скорую помощь». Меня не было в кабинете, перевести никто не мог. Но парни жестами показали, написали на бумажке «03». Телефон «Скорой помощи». Две наши женщины вышли на лестницу и увидели этого полковника, лежащего без сознания. Наверное, упал и затылком о перила стукнулся. Или даже об лестницу. Я как раз в этот момент подошел вместе с синьором Грассильяни, директором нашего бюро. Полковника занесли в кабинет, положили на кушетку и вызвали «Скорую». Вот и все. Хотели еще в полицию позвонить, потом решили,

что случай не тот. Просто упал человек. Мало ли что с ним могло случиться.

– Когда это было?

– Минут пятнадцать назад. Может быть, даже десять.

– В сознание не приходил? – поинтересовался врач.

Переводчик задал этот вопрос итальянцам, стоящим здесь же, и озвучил их ответ:

– Приходил. Сразу после того, как принесли. Попытался даже сесть, потом спросил что-то и снова упал. Меня в этот момент здесь не было. Я сам не видел.

Врач протянул руку и приложил два пальца к сонной артерии Георгия Игоревича. Он, видимо, остался доволен биением пульса, кивнул сам себе, пододвинул ближе к диванчику стул, сел и ощупал затылок пациента.

– Голова не проломлена, – констатировал он. – Видимо, сильный ушиб. Гарантированное сотрясение мозга. – Доктор посмотрел на фельдшера с чемоданчиком и скомандовал: – Нашатырь!..

Фельдшер быстро нашел крупную ампулу, обломал ее конец, основательно смочил кусок ваты и протянул врачу. Тот несколько раз провел им перед носом полковника.

Селиверстов вдруг зашевелился, зашмыгал носом, открыл глаза и попытался сесть.

– Лежите! – строго сказал врач.

Но полковник давно и прочно решил, что командовать собой имеет полное право. Он все же сел, пусть и затратил много сил на эту простейшую операцию. Потом Селиверстов стал ощупывать голову, которую положил на руки, упертые в колени. Только после этого, словно убедившись в том, что ее не оторвали, он встрепенулся, что-то вспомнил и сразу нашел глазами Лесничего с Иващенко.

– Выйдите все посторонние, – строго сказал полковник, не сообразив сразу, что находится в чужом кабинете.

Но возвращение к текущим обстоятельствам произошло, видимо, тут же, поскольку полковник поправил себя:

– Извините, я просто не понял, где оказался.

– Вам бы лучше полежать, Георгий Игоревич, – с сочувствием сказал Иващенко.

– Что со мной случилось? – не исполнив совета, спросил Селиверстов.

Врач «Скорой помощи» в этот момент наклонил голову полковника, чтобы как следует рассмотреть его затылок, который до этого только прощупывал. Пациент поморщился, когда пальцы врача стали давить на голову, но не издал ни звука.

– Свет не загораживайте. Отойдите от окна! – потребовал доктор.

Лысый толмач перевел его слова двум необыкновенно худым и жилистым женщинам с распахнутыми испуганными глазами. Они быстро вышли в смежный кабинет и смотрели оттуда через раскрытую дверь.

– Я так понимаю, что это был просто тяжелый нокаут, – сказал врач. – Сотрясение мозга вам гарантировано, но черепная коробка, как мне кажется после предварительного осмотра, только ушиблена, хотя и сильно. Необходимо будет сделать снимок. На всякий случай. Возможны множественные мелкие трещины. Так-так-так… – Он склонился над затылком полковника. – Есть в этом кабинете настольная лампа? Посветите мне.

Один из итальянцев, обладатель недельной небритости на лице, после перевода сходил в соседний кабинет, принес настольную лампу какой-то замысловатой футуристической формы, подключил ее к розетке, поднес и посветил.

– И что это у нас? – непонятно кого спросил врач и наклонился, чтобы посмотреть еще и сбоку. – Я лично такое видел только дважды. В первый раз, когда человек в эпилептическом приступе упал затылком на кучу щебня.

Во второй, когда пациента кастетом сзади ударили. О ступеньки таких рассечений кожи быть не должно. Там была бы прямая линия. Кучу щебня на лестнице я тоже не заметил. Остается предположить только кастет. – Он окинул всех торжествующим взглядом чрезвычайно опытного чекиста, уличившего присутствующих в мировом заговоре, приподнял голову полковника за подбородок и спросил:

– Вы шли один, когда упали?

– Один, – сказал Селиверстов без раздумий, довольно категорично.

– Странно. Здесь на равном расстоянии одна от другой четыре ранки. Да, как от шипов кастета. Под ними, естественно, локализованные опухшие участки. Вам придется поехать с нами, чтобы сделать снимок.

– Не имею такой возможности. Извините, – сухо сказал Селиверстов.

По его тону Лесничий понял, что полковник полностью пришел в себя, говорил жестко и конкретно.

– Но я обещаю, что обязательно сегодня схожу в поликлинику госпиталя, к которой прикреплен, и сделаю снимок. У меня там хирург – товарищ. Благодарю вас.

– Тогда вам придется дать расписку об отказе от дальнейшего обследования. И вторую, с отказом от госпитализации. Поскольку вы человек военный, я не думаю, что у вас случился приступ эпилепсии. Наверное, вас много раз уже обследовали. Но что-то с вами случилось. Люди не теряют сознание ни с того ни с сего. Следует выяснить причину. Для этого, возможно, потребуется пройти полную диспансеризацию. Как у вас, кстати, с давлением?

– Случается пониженное.

– Какое?

– Восемьдесят на пятьдесят.

– А обычное у вас?..

– Девяносто на шестьдесят.

– В вашем возрасте? – откровенно удивился врач.

– Следствие постоянного недосыпания. Служба такая.

Врач принялся обрабатывать рассечения кожи на затылке Селиверстова. Фельдшер тем временем подготовил две расписки, спросил фамилию, заполнил бланки и протянул полковнику. Тот прочитал и подписал одновременно с тем, как доктор закончил заклеивать ранки бактерицидным пластырем.

Волосы на голове Селиверстова были короткие. Выбривать или выстригать их вокруг ранок не пришлось.

– Здесь есть люди, которые могут вас сопровождать? – спросил врач.

– Два моих сотрудника. При необходимости они смогут мне помочь.

Помянутые сотрудники дружно сделали по шагу вперед, демонстрируя свою готовность.

Врач удовлетворенно кивнул и сказал:

– Обязательно сделайте снимок. С головой шутки плохи.

Бригада «Скорой помощи» первой покинула помещение. Медики, известно, всегда торопятся. Их на маленький-то городок никогда не хватает, что же говорить о таком мегаполисе, как Москва! Наверное, потому и вылечить мало кого могут.

Едва закрылась дверь, полковник встал и шагнул к выходу. Но держался он неуверенно, словно слегка потерял координацию. Поэтому два бывших старших лейтенанта двинулись по бокам в качестве страховки, всегда готовые

подставить руки ему под локти.

На втором этаже не было выхода из лифта, и они двинулись к лестнице. Селиверстов, идущий на полшага впереди, начал подниматься и вскоре остановился, переводя дыхание.

– Где-то здесь, – сказал полковник. – Точно. На этом вот самом месте.

У сотрудников полковника были и свои вопросы.

– Георгий Игоревич, вы сказали врачу, что поднимались по лестнице в одиночестве. Но дежурная на первом этаже видела, что с вами шли еще двое, – сказал Иващенко так, словно сделал выговор полковнику.

– А почему врач задал мне этот вопрос? Понимаешь?..

– Не понимаю. Почему?

– Если бы я сказал про эту парочку, то врач обязан был бы сообщить в полицию. Это были бы подозреваемые. А тут вы рядом. Мне что, вас подставлять? Сразу возникнут ненужные вопросы. Хотя искать менты в принципе не умеют. Тех, кто знал это дело, давно разогнали. Остались, грубо говоря, дилетанты. Это даже на ваших примерах видно.

Полковник Селиверстов полностью пришел в себя, размышлял уже так, как и полагается разведчику. Соображать по ходу дела он начал быстро.

– Виктор Юрьевич, ты разговаривал с вахтершей внизу?

– Так точно, товарищ полковник. Она – настоящая разведчица. Все и всех помнит, знает. Готова ответить на любой вопрос. А что же все-таки произошло, Георгий Игоревич?

– Мне передали важные документы и пятьдесят тысяч баксов на оперативные нужды. Нет ни денег, ни бумаг. Все это находится в опечатанном дипломате с кодовым замком. После трех неверных попыток подбора кода сработает устройство самоуничтожения. При этом взрыв будет достаточной силы, чтобы

положить всех, кто находится в пределах пяти метров. Опасная игрушка для грабителей. Естественно, в полицию обращаться нельзя. Кто-то из людей, знающих, откуда у похитителей взялся кейс, даст показания. Нас обвинят как минимум в терроризме. Помимо взрывного устройства есть и другие проблемы. Даже если кейс получится вскрыть без последствий. Оперативные деньги нигде не числятся, и вопрос их происхождения всегда покрыт мраком. Если документы попадут в руки полиции, то могут возникнуть дополнительные неприятные моменты. Например, разглашение военной тайны. Бумаги совершенно секретные. Гриф проставлен. Но любопытные менты суют свой нос и в такие документы, а потом женам содержимое пересказывают. Те с родней впечатлениями делятся. Начинается цепная реакция. Сможешь, Виктор Юрьевич, еще раз к вахтерше сходить?

– Нет проблем. Что спросить?

– Что за парни со мной на лестницу пошли? Из какого кабинета? Выходил ли после этого кто-то из них на улицу. Или, может, к ним кто заглядывал? Узнай. Ты, Виктор Юрьевич, со своим обаянием любую старушку разговоришь. Мы ждем тебя в нашем офисе. В темпе работай.

– Есть отработать в темпе, товарищ полковник!

Рядом никого не было, и Виктор Юрьевич с удовольствием ответил по уставу. Видимо, соскучился по армии.

А полковник, поднимаясь по лестнице, постепенно возвращался в нормальное физическое состояние. На четвертом этаже, когда они вошли в коридор, где располагался их офис, он уже твердо держался на ногах и шаг чуть ли не чеканил.

Лесничий не удержался и спросил:

– Так что все-таки произошло, Георгий Игоревич? Хронологию можно восстановить? Что помните?.. Остальное додумаем, просчитаем.

– Кабы я сам понимал, что произошло. Если по порядку, то так. Получил я от курьера опечатанный дипломат, расписался. Он даже не знал, что передает. Но я уже был в курсе. Генерал Светлаков тоже. Наверное, еще несколько

человек в ГРУ. И не только. Кто-то и здесь, вероятно, был осведомлен. Я к лифту подошел. Там компания парней. Еще двое подрулили, сказали, что второй лифт, похоже, не работает, они уже полчаса ждут. Наша кабинка спустилась. Пятеро вошли. Я тоже сначала с ними. Им на сорок восьмой этаж. Лифт не поднимается – перегруз. Их пятеро, они вместе. Вышел я, значит, вижу, ждать долго придется. Смотрю, те два парня, которые от другого лифта подошли, решили по лестнице подниматься. Я за ними двинулся. Одного обогнал, хотел и второго, но тот замешкался как-то, ни туда, ни сюда. Короткая боль, и все. Больше ничего не помню. Наверное, кастетом ударили, как врач сказал. У меня голова крепкая, удары кулака держит.

– Понятно. Парней запомнили? – Сергей Ильич уже открывал своим ключом дверь офиса.

– Оба мордатые такие, упитанные. У одного свежая ссадина на скуле. Зеленкой замазана.

– На скуле? – Лесничий сразу среагировал. – А крови на рукаве не было?

– На рукаве? – удивился Селиверстов.

– Рэкетиры наши!.. Я одному скулу рассек. Он рукавом кровь вытирал.

– Костюм на нем темно-синий, кажется. Там кровь не увидишь, пока не присмотришься. На втором коричневый пиджак, не сильно темный.

– Да, один был в темно-синем. Правда, второй – в джинсовом костюме. Но это мог быть и другой человек. А первый – со свежим шрамом. Посидите здесь, товарищ полковник. Я узнаю в соседних офисах.

– Что узнаешь?

– Кто их крышует. Откуда эти парни.

– Иващенко принесет информацию. Дождись. Хотя, отставить! Из двух источников сведений будет больше. Сходи, только один к тем парням не заглядывай. А я пока позвоню кое-кому, чтобы к поиску подключить.

– Конечно, товарищ полковник. Я понимаю, что героизм в важных ситуациях должен быть строго дозированным.

Полковник похлопал себя по карманам, не нашел телефон и развел руками.

– Трубку тоже вытащили. Это плохо. Если она попадет в чужие руки, то нам придется менять всю систему кодирования разговоров. А это несколько дней работы для бригады специалистов. Да и самоликвидацию мы еще не поставили. Тем более, значит, надо позвонить и сообщить. Дай, Сергей Ильич, твою трубку.

Лесничий оставил свой аппарат полковнику, хотел выйти, но Селиверстов набрал номер и остановил его жестом, предлагая дождаться окончания разговора.

Разговаривал он с каким-то подполковником. Как Лесничий понял, это был человек из ФСБ, а вовсе не из ГРУ. Георгий Игоревич просил помощи в поиске. Он предупредил, что сейчас принимает свои меры по свежему следу. Если не получится, тогда понадобится содействие. Сергею стало понятно, что оно было обещано.

Селиверстов набрал другой номер. Теперь уже он разговаривал с генералом, скорее всего, с тем же самым, с которым беседовал раньше, перед тем как выйти к машине.

Полковник доложил ему обстановку и заявил:

– Принимаем свои меры поиска. Если ничего не найдем, подключим бригаду из ФСБ. Я уже созвонился и договорился. Подполковник Афанасьев. Надежный человек. Мы с ним вместе несколько операций проводили. Так точно, товарищ генерал. Непременно. Первое же известие, я сразу звоню. Так точно. Да. По трубке тоже. Но это, думаю, можно и до ФСБ сделать. Сразу. Это облегчило бы нам поиск. Понял, товарищ генерал. Мы работаем. – Селиверстов махнул рукой, разрешая Лесничему выйти и приступить к поиску.

Сергей Ильич вышел из кабинета, осмотрелся и двинулся по коридору, прислушиваясь к голосам, доносившимся из-за закрытых дверей. Он не хотел ломиться наобум. Вскоре за дверью офиса под номером четыреста пятнадцать

послышался женский смех. Старший лейтенант аккуратно постучал.

– Войдите, – послышалось басовитое приглашение.

Это сказала явно не та смеющаяся женщина. Но Лесничий представил, что войдет сейчас и увидит даму с мужским голосом. От этого он готов был заулыбаться, несмотря на всю сложность дела, с которым частной военной компании пришлось столкнуться еще до завершения своего формирования.

– Здравствуйте, – сказал Лесничий парню, откормленному на жестокий убой и тяжело дышащему за письменным столом, довольно маленьким и тесным для него. – Соседей в гости принимаете? Познакомиться заглянул. Я из четыреста одиннадцатого.

– Заходи, сосед. Только выпить у нас нечего. Меня мои дуры-девки чаем отпаивают. Мне бы чего покрепче после вчерашнего, а они издеваются, заразы. Набрал сотрудниц на свою беду! Теперь расхлебываю.

– Я вообще-то не потребляю, и в офисе у нас тоже нет, – вежливо отказался Лесничий поить откормленного субъекта, хотя намек понял. – Я так просто заглянул, хотел познакомиться и попросить совета.

– За советы денег не берем, – боров встал, уютно уложив живот на стол, и протянул руку. – Вадим, генеральный директор.

– Сергей, – представился Лесничий. – А ваша фирма чем занимается?

– Как и все. Бизнесом. Покупаем подешевле, продаем подороже. Все, что угодно. Мы всеядные. А ваша? Четыреста одиннадцатый, да? Это что-то с собаками связано? Я вывеску вашу видел, когда мимо проходил.

– Да, мы думаем продавать кавказских волкодавов, – на ходу придумал Лесничий вид деятельности своей компании.

– Вот-вот. Я еще подумал, как вы обоснуетесь, заглянуть. Хочу взять себе кавказскую овчарку. Можно будет это дело организовать?

– Думаю, без проблем. Вы в частном доме живете?

– Нет. У меня квартира.

– Тогда я советовал бы что-нибудь не столь серьезное. Кавказской овчарке необходим вольер и возможность хотя бы ночью по двору побегать.

– Это я уже слышал много раз. Только у большинства владельцев кавказцы на цепи сидят. Сам много раз видел. Никаких вольеров. Даже у тех, кто свой дом и участок имеет.

– Да. И кормят они собаку, сидящую на цепи, с лопаты. Потому что ближе подойти к кавказской овчарке рискованно. То же самое касается алабая. А дети у вас в доме есть?

– Два сына.

– Возраст?

– В шестом и в третьем классе учатся.

– С кавказской овчаркой рискуете в один прекрасный момент без них остаться. Эта собака детей не очень любит. Ей нужна крепкая мужская рука, грубо говоря, вожак стаи. Над всеми остальными в доме они предпочитают доминировать, держать их в строгости, время от времени превентивным образом наказывать, чтобы не разбаловались.

Сергей Ильич никогда не был кинологом и даже серьезных собак не держал. Но в крайнюю свою командировку на Северный Кавказ он много чего узнал об этом из разговоров с офицером спецназа ФСБ Дагестана.

– А кавказская овчарка и тамошний волкодав – это что, разные псы? – осведомился Вадим.

– Вообще-то разные. Сейчас иногда всех кавказских овчарок называют волкодавами, но это категорично неправильно. Кавказский волкодав – это, грубо говоря, элита, очень серьезная порода. Овчарки пасут овец. А волкодав

защищает тех и других. Такую животину в квартире содержать вообще немыслимо. Пока порода даже своего стандарта не имеет, признана только наполовину. Вот мы и думаем ее пропагандировать и разводить. А внешне волкодава можно отличить по купированным ушам и хвосту. У овчарок обычно только уши обрезают.

– Хорошенькое дельце. Здесь будете их держать, на этаже?

– Нет, конечно. Тут у нас только офис. Мы строим себе питомник. В Подмосковье. Потом и контору туда перенесем.

– Как-нибудь выберу время, загляну в ваш питомник. Я собак с детства люблю. У меня еще дед лаек держал. Охотник был. Я сам давно хочу. Жена только против. Но посмотреть на волкодавов я и ее возьму. Я внял, Сережа, твоим советам. – Вадим перешел на «ты». – Но у тебя еще вопрос какой-то был.

– Есть такое дело. – Сергей Ильич сделал вид, что заметно стесняется.

Профессиональный театральный критик заметил бы, наверное, фальшь в его игре, но сосед, всеядный бизнесмен, ничего не увидел.

– Мы все в бизнесе люди новые, порядков не знаем. Нам уже много раз говорили, что в любом деле обязательно крыша нужна. Здесь, говорят, есть какие-то парни, как и везде, которые этим занимаются.

– Да, охранное предприятие. Они себя так называют. Этажом выше нас сидят. Пятьсот одиннадцатый, если не ошибаюсь, кабинет. Но я с этими парнями связываться не рекомендую. У меня есть ребята надежнее и серьезнее. Менты. Они любую охрану быстро на место поставят. Если хочешь, я поговорю, подъедут. Сделать?

– Пока не надо. Не знаю даже, как лучше. Когда питомник у нас достроят, мы на новое место переедем. Там, наверное, новых искать придется.

– Их не ищут. Они сами тебя найдут. – Бизнесмен усмехнулся.

– Ладно. Тогда так давай договоримся. Я еще разузнаю, а потом, если ничего не подберу, к тебе загляну. Согласен?

– А мне что. Все ищут, где удобнее. Давай так. Мне позвонить не трудно.

На этом соседи по офисам пожали друг другу руки и расстались.

Иващенко как раз входил в офис ЧВК. Сергею пришлось поспешить, чтобы Виктору не пришлось повторять рассказ.

Едва Лесничий перешагнул порог, Иващенко сразу заявил:

– Я же говорю, за новостями мигом прибежит. Вот и он.

– Докладывай! – строго приказал полковник Иващенко.

– Кто за вами на лестницу пошел, вахтерша не видела. Спиной к вам сидела и с каким-то посетителем разговаривала. Но когда вы, товарищ полковник, у лифта стояли, рядом с вами были парни с пятого этажа.

– Пятьсот одиннадцатый кабинет, – уточнил Сергей Ильич.

Иващенко удивленно поднял брови и подтвердил:

– Точно. Пятьсот одиннадцатый. Вахтерша о них нехорошо отзывается. Говорит, что темные и наглые личности. Хотя конкретно ничего про них сказать не может. Судит по манере поведения, по внешнему виду.

– Они говорили, что с сорок восьмого этажа, – вспомнил Георгий Игоревич.

– Одно из двух, – сделал вывод Лесничий. – Они так шутили, чтобы позлить вас, товарищ полковник, или желали заставить идти по лестнице.

– Скорее второе, – предположил Иващенко. – Двое других были из их же банды. Они обманули вас и со вторым лифтом. Он работает и даже не ломался.

Я проверил. Лифты здесь скоростные. Надолго он задержаться просто не мог.

– Ладно. Продолжай! – потребовал полковник.

– Один парень из этого кабинета, со шрамом на скуле, недавно вышел, сел в машину и уехал. С собой имел большую спортивную сумку, в которую легко положить кейс. Машину этот деятель всегда ставит перед зданием. Вахтерша видела через стекло, как он отъезжал. Машину она назвала гоночной. Я думаю, это просто какая-то спортивная модель.

– Это все?

– Да, Георгий Игоревич.

– Этажом выше подниматься будем без лифта. Надеюсь, с вами можно идти без опасений? Кастета не имеете? Бить на лестнице не будете?

Полковник шутил. Следовательно, полностью ожил. Он решительно встал из-за стола, взял с собой смартфон, который дал ему Лесничий.

Иващенко протянул полковнику один из своих пистолетов. Тот взял его. Лесничему, значит, предстояло надеяться на свои руки. Да и на ноги тоже.

Они широким маршевым шагом двинулись к лестнице, поднялись этажом выше и быстро нашли дверь нужного кабинета. Перед ней Селиверстов вытащил трубку, нажал вызов и прислушался. Сергей Ильич понял, что полковник набрал свой номер. Он определяет, здесь ли его аппарат.

Звонка слышно не было.

Глава 4

Старший лейтенант Лесничий тоже слушал, уловил только какой-то стеклянный звон и не смог определить его происхождение. Офицеры переглянулись,

кивнули друг другу. Селиверстов сжал губы в тонкую полоску, повернул ручку, толкнул дверь плечом. Она не поддалась. Видимо, была закрыта изнутри на ключ. Иващенко тут же жестом попросил Селиверстова посторониться.

Тот чуть-чуть подвинулся, и Виктор Юрьевич ударил ногой сильнее, чем можно было бы стукнуть бревном в крепостные ворота. Башмак где-то сорок седьмого размера всей подошвой и каблуком обрушился на замок. Дверь не проломилась, влетела внутрь и сразу накрыла субъекта, который за ней стоял.

Внутри находились восемь парней, никогда не страдавших от недоедания. Один из них, правда, уже лежал под дверью, получив нокаутирующий удар.

На письменном столе, стоящем в самом центре кабинета, были аккуратно разложены пачки долларов. Похоже было, что тут происходил дележ добычи.

Даже два пистолета в руках офицеров не произвели особого впечатления на хозяев кабинета. Они оказались ребятами не робкими, прошли, видимо, множество разборок. Имели опыт. А он подсказывает, что любое огнестрельное оружие дает преимущество только на дистанции. Сокращение ее до минимума уравнивает шансы. Мальчики сразу попытались не обороняться, но атаковать.

Один квадратный тип вдруг развернулся и с ревом, как бык, бросился вперед головой. Однако Иващенко не растерялся и не пожелал, чтобы его забодали. Виктору Юрьевичу даже не пришлось подпрыгивать. Разница в росте была такова, что бывший старший лейтенант просто поднял свою длинную ногу, и его колено жестко встретилось с челюстью быка. Парень запрокинул голову и рухнул под ноги Иващенко.

Полковник стрелять не стал, пистолетом орудовал как кастетом. Противнику, стоящему ближе, он нанес прямой удар стволом в глаз, второму, чуть подальше прижавшемуся к стене, с разворота въехал ствольной коробкой в висок.

Этого хватило тому и другому. Первый упал на колени и закрыл лицо руками. Второй просто рухнул, словно его кувалдой по голове огрели, и лежал без движения.

Пистолет Макарова – не самое легкое оружие. К тому же металл достаточно редко бывает мягким.

На Лесничего надвинулись двое. Первый, крупный и сильный, бил неумело, инстинктивно задирая при этом подбородок и закрывая глаза. Типичная ошибка парней, не обученных рукопашному бою. Второй был телом посуше и порезче. Он сразу принял боевую стойку и скользящим шагом приближался к Сергею Ильичу сбоку.

Первый даже опасения не вызывал, а вот со вторым, возможно, пришлось бы повозиться. Поэтому, уходя от неумелого и корявого удара крупного парня, Сергей Ильич не отступил назад, а сдвинулся в сторону и снизу двинул в задранный подбородок. Этого хватило для полной отключки.

Однако Лесничий не позволил упасть этой груде перекачанного мяса. Он подхватил своего противника под мышки и швырнул на второго, которому пришлось не нападать, а защищаться от своего же товарища, гораздо более тяжелого, чем он сам.

Сергей воспользовался этим моментом и нанес удар в район передней мышцы плеча, где у человека находится скопление нервных окончаний. Лесничий бил кулаком, старался попасть угловой костяшкой пальцев. Это получилось. Парень согнулся от болевого шока, чуть не на колени встал, подставил спину. Он тут же получил удар в район выхода седалищного нерва на спине, чуть выше тазовой кости.

Эти удары не увечат, но болевой шок у человека, получившего их, бывает настолько невыносимым, что он теряет сознание. Второй противник Лесничего исключением из общего правила не стал.

Следующим его противником оказался парень в коричневом костюме. Про него, видимо, и вспоминал полковник Селиверстов. Подтверждением тому стал кастет, блеснувший в руке этого типа.

Дожидаться атаки человека, вооруженного кастетом, Сергей Ильич не стал. Он с отмашки нанес напряженными пальцами левой руки скользящий удар под нос, по верхней челюсти, в болевую точку. Голова противника повернулась. Его подбородок угодил под боковой удар с другой руки. Сергей Ильич бил даже не особенно сильно, но быстро, резко и точно. Перелом челюсти противнику был обеспечен. Человек с кастетом свалился задом в кресло, а потом вместе с ним упал на пол.

Лесничий обернулся. Иващенко как раз добивал последнего, в котором Сергей Ильич сразу узнал парня с рассеченной скулой. Он сам это сделал еще утром, когда рэкетиры пожаловали этажом ниже, в офис ЧВК «Волкодав». Данный факт вызвал некоторое недоумение. Ведь вахтерша сказала, что парень с рассеченной скулой уехал куда-то.

– Этот был на лестнице, товарищ полковник? – спросил Лесничий.

– Нет, Сергей Ильич. Тут левая скула рассечена, у того – правая. Да и зеленки на физиономии нет. А второй – вот он. С кастетом. – Полковник, несмотря на возраст, даже не сбил дыхание и говорил спокойно.

Он снова вытащил трубку Лесничего, набрал свой номер. Надеялся, что дверь помешала услышать звонок. Но его опять не последовало.

Победители пересчитали доллары. Оказалось, что не хватает более пяти с половиной тысяч.

Иващенко оказался неплохим математиком.

– Все правильно, – заявил он. – Один уехал. Захватил свою долю. Пятьдесят штук разделить на девять, получается пять пятьсот пятьдесят пять с мелочью.

– Скорее всего, так оно и было, – согласился полковник Селиверстов. – Как они дипломат вскрыли и не взорвались. Скажи-ка мне. Когда это происходило, ты еще двумя глазами видел.

Один из хозяев кабинета, к которому и был обращен этот вопрос, вообще сознания не терял. Глаз у него заплыл черным синяком и вообще ничего не видел.

– Тебе второй глаз закрыть? – Полковник легонечко замахнулся пистолетом.

Парень дернулся, потом одним глазом посмотрел по сторонам, оценивая своих компаньонов и их возможность слышать.

– Стас знал код замка, – пробубнил он.

– Где дипломат?

– Стас увез.

– Куда?

– Отдать кому-то.

– Кому? Куда поехал?

– Я не знаю.

Ствол пистолета отошел чуть назад, словно для подготовки к удару.

Парень снова зажмурился и промямлил:

– Не знаю.

Господа офицеры быстро привели в сознание еще двоих. Обыскали. У одного отобрали травматический пистолет. Если человек не умеет пользоваться оружием и не вытащил его в момент нападения, значит, оно ему и не нужно. Разве что пугать старушек, плохо подготовленных к бою.

– Куда уехал Стас? К кому?

Снова повторилась процедура оглядывания тех, кто лежал пластом без признаков жизни. Но конкретного ответа на вопрос не последовало.

– Он нам не докладывает, – буркнул один браток.

– Не знаю, – сказал второй.

Похоже было, что они и в самом деле не в курсе.

– Номер машины Стаса, марка, цвет? – потребовал Иващенко и носком своего не самого легкого башмака пошевелил челюсть одного из парней, сидящего на полу, словно рот ему раскрывал.

Тот оказался понимающим, почти душевным и отреагировал адекватно:

– «Шевроле Корвет». Цвет красный. Номер…

– Трубка товарища полковника у кого?

– Стас с собой забрал.

Полковник вытащил аппарат Лесничего и набрал номер.

– Это опять я, товарищ генерал. Нашли мы нападавших. Деньги, за исключением пяти с половиной тысяч, здесь. Дипломата с документами нет. Один из этих ребят уже уехал, увез все с собой. «Шевроле Корвет» красного цвета, номер… Машину в городе найти можно через мой телефон. Он у него. Куда уехал, никто не знает. Зовут похитителя Станиславом. Отлично. Хорошо, что вы поторопились. Да, товарищ генерал. Еще важный момент. Этот Стас знал код замка дипломата. Да. Так точно. Утечка информации у вас. У нас кроме меня никто. Прослушка по техническим условиям исключена. У нас и о дипломате никто не знал. Надо проверить. Хорошо, товарищ генерал. Жду вашего звонка. Конечно. Пусть его сюда везут. Необходимо будет провести обыск кабинета. Да. Я понял. Так точно. Я помню, что существует такое размытое и невнятное понятие, как закон. Хорошо, что все так получилось. По горячему следу сработали. Так точно. Жду. – Полковник убрал трубку, подумал мгновение, снова ее вытащил и опять позвонил. – Афанасий Афанасьевич, мы выцепили этих бандитов. Здесь они. Да. Деньги нашлись. Не все, правда. Это главная улика. Парни тут. На полу валяются. Наше здание вы знаете. Кабинет пятьсот одиннадцатый. Один уехал с документами. Его уже ведут наши спецы. Перехватят и передадут вам. Да, приезжайте. Восемь человек. Нас трое было. Да, мы в порядке, покараулим пока. Жду.

– Это наши деньги, – вдруг раздался голос из-под стола.

Тот парень в коричневом костюме, которому Лесничий гарантированно сломал челюсть, говорил с трудом. Он, видимо, пришел в себя совсем недавно. Может

быть, уловил разговор полковника по телефону, но, кажется, не слышал мягкой беседы спецназовцев со своими подельниками, поэтому еще верил в возможность вывернуться.

– Поздно, доктор, я уже умер, – ответил Иващенко назидательным тоном.

Лесничий вдруг резко прыгнул за стол и ударом ноги, изображая футболиста, реализующего пенальти, вышиб телефон из рук парня. Трубка отлетела, ударилась о стену, но не разбилась.

Полковник Селиверстов поднял ее, посмотрел.

– Номер он не набирал. Не успел?

– Мне показалось, он какие-то кнопки нажимал, – сказал Сергей Ильич.

– Нет. Набора вообще не было. Разве что надавил тревожную кнопку. Тогда нам стоит ждать прихода гостей. Подмогу вызвал? – Георгий Игоревич наклонился так, чтобы увидеть своего собеседника, лежавшего между тумбочками стола. – Тебя спрашиваю! Отвечай, не то челюсть со второй стороны сломаю. Тогда точно говорить долго не сможешь. Даже при допросе с пристрастием молчать будешь.

Полковник был очень внимательным человеком. Он правильно оценил удар кулака Лесничего, его точность и результат.

– Может быть, еще и успеешь, – без страха, с большой наглостью и полной уверенностью в себе огрызнулся парень. – Попробуй, пока за тобой не приехали. Тебя, полковник, солидный срок ждет. «Ограбление, совершенное по предварительному сговору в составе группы лиц». Сумма на «особо крупное» потянет. Нанесение увечий пусть даже средней степени тяжести. Это я тебе говорю как опытный адвокат по уголовным делам. В этих случаях не применяется принцип поглощения. Самый тяжкий случай не гасит сроки по другим статьям. Они плюсуются. В общей сложности, полковник, до конца жизни тебя закроют.

– А твой кастет? – спросил полковник. – Он будет доказательством того, откуда у тебя и твоей банды эти деньги?

– А он в деле вообще не будет присутствовать. Можешь до приезда наряда взять его себе.

Лесничий поддел кастет ногой и задвинул под тумбочку стола. Так, на всякий случай, чтобы его недавний обладатель рукой не дотянулся.

– Приехали! – сказал парень. – И они, и вы тоже.

Он шумно завертел носом, как вертолет лопастями, и чуть не заглушил торопливый топот ног, который слышался в коридоре. Несколько человек бежали, не стараясь скрыть свое приближение. Видимо, очень торопились и в себе были уверены.

Полковник кивнул старшим лейтенантам, и они встали по обе стороны от пустого дверного проема. Иващенко даже пистолет убрал в карман куртки, чтобы руки освободить. Полковник же, наоборот, ствол приготовил, хотя и спрятал его за спину.

В дверной проем ворвались трое полицейских с автоматами наперевес, утяжеленные бронежилетами. Но их погоны и мундиры не сильно смутили спецназовцев. Офицеры работали правильно, в полном соответствии с теорией. Они стали как бы зеркальным отображением друг друга, потому что одному пришлось протягивать правую руку, второму – левую.

Ладони спецназовцев подхватили тупорылые автоматы за цевье, резко подняли стволы к потолку. После чего следовал шаг вперед и вбок, за спину противнику, захват оружия второй рукой за ремень. В результате этих действий ствольная коробка сразу уперлась каждому из двух полицейских в горло и начала душить его.

Третий поздно среагировал. Он ворвался в комнату, не приготовившись стрелять, и сразу почувствовал, что в голову ему уперся ствол пистолета.

– Оружие на пол! – скомандовал полковник.

Третий мент, видимо, старший наряда, не торопился исполнить приказ. Он посмотрел на парня в коричневом костюме. Тот сумел подняться,

сел в кресло, двумя руками взялся за свою сломанную челюсть и ощупывал место получения удара так, словно пытался собрать воедино кусочки, не разрывая кожу.

– Паша, что происходит? – спросил старший полицейского наряда.

Полковник Селиверстов ответа Паши ждать не стал. Не убирая пистолет от виска полицейского, он взялся за автомат, поставил его на предохранитель и неторопливо стал снимать ремень через голову представителя правопорядка. Тот не сопротивлялся.

Но полковник вдруг одним быстрым движением захлестнул на шее полицейского петлю и крутанул автомат, затягивая ее. Для этого, правда, ему пришлось убрать пистолет в карман и действовать обеими руками. Но придушенный полицейский этого, кажется, и не заметил.

– Паша… – прохрипел он.

– Да вот, братишка, налетели на нас с пистолетами. Мы только-только деньги получили, как нас грабить начали. На вас понадеялись, а вы сами, вижу, влипли.

– Приехали, – поправил его полковник.

Старший наряда и парень в коричневом костюме были настолько похожи, особенно фирменными носами, что сомнений быть не могло – это родные братья, может быть, даже близнецы.

– И что теперь?

– Это я у тебя, братишка, хотел спросить. Теперь нас, наверное, перестреляют. Свидетелей таких ограблений всегда убирают.

Полицейский опасливо скосил глаза на полковника. Он только теперь, похоже, сообразил, что произошло.

Георгий Игоревич ответил на его немой вопрос:

– Нет. Расстреливать будем только того, кто попытается оказать сопротивление. Через некоторое время сюда приедет оперативная бригада ФСБ. Она и будет с вами разбираться.

– Нас ограбили, и с нами разбираться! – проявил Паша предельно искреннее возмущение.

– Вас не ограбили. Мы вернули то, что вы украли у нас. Пока не все. Но остальное, думаю, вскоре найдется у Стаса.

– Мы сегодня получили пятьдесят тысяч долларов наличными. Официально сняли со своего счета. Банковскими документами это подтверждено.

– Покажи, – предложил Лесничий.

– Что тебе показать?

– Банковские документы, естественно, подтверждающие твои слова.

– Документы в сейфе. Ключи от него у директора. Если кому не лень, пусть банк запрашивают. Там подтвердят. ФСБ, наверное, имеет такие полномочия. Приедут и поинтересуются. Там им подтвердят.

Сергей Ильич ослабил хватку, потому что полицейский в его руках начал, кажется, задыхаться. В принципе, этот парень, возможно, был ни при чем, и калечить его не стоило. Лесничий снял ремень вместе с автоматом с его шеи, а самого полицейского подтолкнул вперед, к стульям, стоявшим у стены.

– Отдохни, можешь пива попить, – заявил он.

Рядом со стульями стоял целый ящик с пивными бутылками, частично уже без крышек, следовательно, пустыми. Спецназовцам стало понятно, что за стеклянный звон слышался через дверь. Да и запах пивного перегара в комнате стоял устойчивый.

Мент глянул на ящик, сразу вытащил бутылку, открыл ее и жадно припал к горлышку. Так он пытался хоть чуть-чуть подлечить свои встрепанные нервы.

Иващенко поступил со своим пленником точно так же, как и Лесничий. Этот парень оказался придушен сильнее и уже начал заметно хрипеть, как обычно бывает перед потерей сознания. Селиверстов снял петлю с шеи старшего наряда.

Но эти герои за бутылками не потянулись. Они вполне адекватно оценивали свое положение и потому были угнетены.

В этот момент в коридоре снова послышались шаги, не такие откровенные, как ментовские, хотя даже куда более стремительные. Лесничий выглянул и приглашающе махнул рукой, показывая, что входить можно без опасения.

Оперативная бригада ФСБ прибыла быстро. В ее состав входили крепкие ребята с надписями на спине «Спецназ ФСБ».

Подполковник Афанасьев сначала козырнул, потом протянул руку Селиверстову.

Тут Георгию Игоревичу кто-то позвонил на номер Лесничего.

– Полковник Селиверстов. Слушаю, товарищ генерал, – сказал Георгий Игоревич, коротко глянув на определитель номера. – Да, конечно. Тут и полиция прибыла, и оперативная бригада ФСБ. Подполковник Афанасьев, как я и говорил. Он толковый офицер, разберется. Да. Так точно. Ага. Очень интересно. Но этого Стаса все же хорошо бы сюда. Или хотя бы дипломат и ключи от местного сейфа. Хорошо. Так точно. Мы ждем. Да-да. Это серьезный вопрос. Понятно. Да. Хорошо отработали. Кто он? И там братья? Да. Здесь тоже два близнеца в наличии. В одну камеру будут проситься. Что-то много в этом деле родни набралось. Хорошо. Так точно. Я понял, товарищ генерал. Мы ждем. – Полковник убрал трубку, посмотрел на Пашу и заявил: – Хреновый ты, видимо, адвокат. Не умеешь логически мыслить. Не сообразил, что твоего директора могут повязать. Взяли вашего Стаса с поличным, когда он передавал украденный дипломат гражданину другого государства. Так что теперь тебе самому адвокат понадобится. Не знаю только, допустят к защите твоих знакомых или нет, потому что дело наверняка будет рассматриваться военным трибуналом в закрытом режиме. В таком случае адвокату особый допуск оформляют. Всякую шушеру гонят поганой метлой.

– Что ты, полковник, меня на понт берешь? – Сломанная челюсть не помешала Паше скривить физиономию в ухмылке, хотя в глазах у него уже не было прежней уверенности.

Она пропала еще тогда, когда спецназовцы повязали ментов.

– Налицо одновременное совершение двух тяжких преступлений – вооруженного ограбления и государственной измены, – доходчиво и авторитетно объяснил подполковник Афанасьев адвокату прописные истины. – Такие дела, как правило, объединяются производством и рассматриваются в инстанции, соответствующей самому тяжкому преступлению. Так что судить вас будет военный трибунал, который сам назначает защитников. Не каждый адвокат может иметь допуск к делу, которое составляет государственную тайну. А вы влезли именно в такое. Могу вам только посочувствовать, а вот помочь уже, пожалуй, никто не сумеет.

Адвокат Паша понял, что имеет дело с грамотным юристом, и совсем поник головой.

– А мы-то здесь при чем? – спросил старший полицейского наряда. – Мы прибыли по вызову. Можем уехать, поскольку ФСБ здесь. Без нас разберетесь, надеюсь.

– А вы кто вообще? – спросил Афанасьев.

– Командир наряда вневедомственной охраны старший прапорщик Лосинский.

– У вашего подразделения есть договор с этой фирмой на осуществление охраны? Насколько я понимаю, здесь находится именно охранное предприятие. Значит, вневедомственная охрана охраняет частное охранное предприятие? Это же тавтология какая-то получается!

– Мы без договора с ними работаем. Так, в качестве поддержки младших коллег, – попытался оправдаться старший прапорщик.

Подполковник Афанасьев внимательно посмотрел на него, потом на адвоката Пашу и напрямую спросил:

– Братья?..

– Близнецы, – не слишком охотно сообщил старший прапорщик.

– В этом случае ваш выезд можно рассматривать как превышение служебных полномочий. Даже с использованием табельного оружия. Боюсь, вы тоже попали в неприятную историю. Получается, что вы прикрывали ограбление.

– Да какое ограбление?! – взвыл адвокат Паша. – Я уже предложил обратиться в банк. Там скажут, что мы сегодня сняли со своего счета пятьдесят тысяч баксов. Хотели приобрести новое оборудование.

– За наличные? – переспросил Георгий Игоревич. – В каком, интересно, магазине что-то за баксы продают? Не поделитесь?

Адвокат устало махнул рукой и промямлил:

– Доллар постоянно растет. Хотели сдать выгодно в обменный пункт. Немножко на разнице заработать.

– А разве в банке не меняют? – поинтересовался Афанасьев. – Кажется, с минимальным процентом. Но там мы все узнаем, не переживайте. Вас никто грабить не собирается.

– Можно и без банка узнать. По вашим внутренним документам, – добавил Селиверстов.

– Разрешите, товарищ полковник? – За неимением двери капитан с нарукавной эмблемой спецназа ГРУ постучал в косяк.

Все обернулись в его сторону. За спиной капитана стояли два автоматчика. Лесничий где-то уже видел этого офицера, хотя вспомнить фамилию и имя не сумел. Скорее всего, они встречались на совместных учениях.

– Заходи, Александр, – сказал полковник Селиверстов. – Вовремя ты прибыл. Как раз, чтобы разрешить вопрос по существу. Все привез, что я у генерала просил?

– Так точно, товарищ полковник. Все доставил с охраной, во избежание случайностей. – Капитан протянул Селиверстову дипломат, потом смартфон и ключи от сейфа.

Георгий Игоревич разложил все это на свободном стуле, набрал на замках дипломата код, открыл его и всем показал. Там лежал компьютерный компакт-диск. Часть дипломата вообще была заделана насмерть. Видимо, там и размещалось взрывное устройство.

– А раньше, до того как дипломат попал в руки Стаса и адвоката Паши, здесь лежали пятьдесят тысяч долларов. Кстати, кастет господина адвоката с отпечатками его пальцев находится под тумбочкой стола. Тот самый, которым меня оглушили, чтобы ограбить. Я думаю, мы сможем провести экспертизу по характеру моих травм на затылке и соответствию рассечений шипами кастета. Он, как я видел, самодельный, не стандартный, имеет собственную разреженность шипов. Допускаю, что на нем остались следы моей крови. Теперь что касается денег, полученных в банке. Вот ключи от сейфа. Их вынули из кармана вашего директора. Сейф стоит в углу. Давайте заглянем в документы. Господин адвокат любезно покажет их нам.

Полковник передал ключи Афанасьеву. Тот открыл сейф, распахнул дверцу, и все увидели пачки долларов, аккуратно сложенные на полке.

– Видимо, это и есть те самые пятьдесят тысяч, которые вы сняли со счета, – сказал подполковник Афанасьев. – Ход достаточно старый и не остроумный. Деньги следовало бы лучше спрятать. Хотя бы под стол, тогда был бы шанс отвести от себя подозрение. Но это у вас едва ли получилось бы. Слишком много других улик.

– Афанасий Афанасьевич, – сказал Селиверстов. – Я что-то себя неважно чувствую, со своими людьми буду этажом ниже. Номер кабинета ты знаешь. Если понадоблюсь…

– Да, – согласился подполковник. – После удара кастетом еще и обезвредить этих негодяев! Здоровье у тебя, Георгий Игоревич, армейское!

Глава 5

Полковник спустился этажом ниже. Иващенко и Лесничий сопровождали его, готовые поддержать, поскольку ступал он нетвердо, словно его слегка штормило. Георгий Игоревич выглядел сильно бледным и уставшим. Под глазами вдруг набухли мешки.

Держался Селиверстов, видимо, только на своей силе воли закаленного армейского разведчика. В таком состоянии он еще и принял участие в рукопашной схватке. Впрочем, возможно, именно она отняла у него последние силы.

В кабинете полковник сел за свой стол, опустил голову и закрыл глаза.

– Мне бы сейчас отдохнуть часок-другой. Свободного времени у нас еще около четырех часов, я полагаю. Но, к сожалению, диваном в кабинете мы не успели обзавестись. Думаю, может, вы домой меня отпустите? Как? Что скажете, подчиненные?

– Не просто отпустим, но даже проводим, Георгий Игоревич, – сказал Лесничий, и полковник не стал возражать.

Наверное, серьезному военному человеку поступить так особенно трудно. Проще понадеяться на свои силы, которые могут закончиться внезапно, без предварительного предупреждения.

– Я машину вызову, – сказал полковник. – Ее за нами закрепляют с завтрашнего дня. Попрошу, чтобы уже сейчас передали. Вечером еще поездить, думаю, придется. – Он вручил Сергею Ильичу его трубку, вытащил свою, набрал номер, назвал себя и затребовал машину.

– Георгий Игоревич, а что там генерал вам рассказал? Как этого Стаса выловили? – поинтересовался Иващенко.

– Отследили через спутник по СИМ-карте. Он по глуповатой жадности мою трубку себе взял. Понравилась, к нашему счастью. Или, возможно, заказчик захотел ее получить. Если так, то дело хуже. Это будет значить, что информатор

в ГРУ много чего уже успел передать.

– Информатор в ГРУ? – не удивился, а просто переспросил Лесничий, поскольку уже слышал из разговора полковника с генералом об утечке информации. – О нем удалось что-то выяснить?

– Давайте лучше обо всем по порядку. Так я на оба вопроса отвечу. Сначала про Стаса. Его определили через спутник. Отследили движение по дороге. Выслали на перехват группу, собранную на скорую руку. Ребята отработали на «отлично». Довели его до места встречи с заказчиком. Без разговоров повязали обоих и отвезли в ГРУ. Выяснилось, что заказчик – гражданин Украины, военный пенсионер. Откуда у него сведения, говорить не желал. Упертый. Спецсредства сразу применять не стали. Взяли его трубку, проконтролировали все последние звонки. Вы знаете, наверное, что каждый человек, входящий в любое из головных зданий ГРУ, как работающий там, так и гость, обязан занести в компьютер бюро пропусков номер своего телефона. Пробили последние звонки. Одним из абонентов оказался адъютант нашего генерала, брат-близнец украинского агента. В настоящее время идет выяснение, что адъютант успел передать, вообще мог знать, к чему не имел доступа. Подключена военная контрразведка. Мы сами, как вы знаете, следственными полномочиями не наделены, не имеем права даже оформить арест. Кажется, я на оба вопроса ответил. Думаю, существует и третий. Могу рассказать во избежание кривотолков. Да, материал нам прислали на весьма серьезного человека, возглавляющего не просто боевую единицу, работающую на Украине, а целую крупную ЧВК из США. Это опытный «дикий гусь», то бишь наемник, известный под псевдонимом Соломон. Но главное в том, что этот тип – личный и близкий друг директора ЦРУ. Он владеет информацией, весьма интересной для нас. Настолько важной, что мы готовы вопреки закону создать свою ЧВК и задействовать ее в этой операции. Этого человека серьезно охраняют настоящие профессионалы, с которыми могут справиться только спецы такого же или более высокого уровня. Сможем мы взять такого монстра?

– Никаких сомнений! – категорично сказал Иващенко. – Если нужно, хоть с унитаза его снимем и доставим туда, куда нужно.

– Значит, будем работать.

Полковнику кто-то позвонил.

Он подошел к окну, посмотрел на стоянку и сказал:

– Машина пришла. Сейчас следует быть осторожным. Противник знает о нашем существовании. Пойдем, Сергей Ильич. У меня к тебе будет еще просьба личного характера.

Они спускались не на лифте, который порой приходится долго ждать, а по лестнице.

Там Селиверстов и выложил свою просьбу.

– Ты собак не боишься?

– Обучен борьбе с ними. Прошел специальный курс.

– Нет, это вопрос не борьбы, а личных взаимоотношений с моими домашними животными. Ты знаешь, почему наша ЧВК называется «Волкодав»?

– Я так понял, что спецназовцев часто волкодавами зовут.

– Командование тоже так поняло. Но это название выбрал я сам. Потому, что держу дома волкодавов. Еще раз интересуюсь, не боишься больших собак?

– У меня жена полгода назад завела пуделя. Уже взрослым нам достался. У ее сестры кое-какие семейные проблемы, пришлось нам собаку взять. Я с этим кобельком, правда, не занимаюсь. Некогда, все на службе. Жена с сыном сами справляются. А что, товарищ полковник? Откуда такой вопрос?

– У меня дома, понимаешь, три ирландских волкодава. Представители самой крупной в мире породы. Более рослых собак не бывает.

– Звучит грозно. Я таких, честно говоря, никогда и не видел.

– Повторяю, это самые крупные в мире собаки. Ростом иногда бывают больше метра в холке. А корпус у некоторых особей длиной больше двух метров.

– Это солидно. Наш пудель, кажется, тридцать пять сантиметров в холке. Жена измеряла, я помогал. Но точно не помню. Может, больше или меньше.
Но визуально где-то так.

– Мы с тобой к концу рабочего дня снова на службу отправимся. А до этого собак выгулять нужно. Жена в отъезде. С внуками возится. Мне пока сложно.
Ты не сможешь?

– Если послушные, думаю, вопросов нет.

– На поводке. Отпускать их не следует. Удержать всех троих тяжело. Но я справляюсь. Думаю, и ты сможешь. Построже с ними, они это поймут правильно.

– Не сильно кусаются, товарищ полковник?

– Ирландские волкодавы кусаются, только когда себя или хозяина защищают. А так они вообще лишены агрессивности к людям. Могут только зализать насмерть. Или лаем испугать. Он у них такой же грозный, как и внешний вид. Хотя когда-то это были боевые собаки. В Древнем Риме дрались в цирках со львами и с гладиаторами. Когда Англия захватывала Ирландию, тамошние жители научили своих волкодавов с рыцарями воевать. Эти собаки высоко прыгают. Волкодавы хватали конников за перья на шлеме и стаскивали с седла. А если рыцарь на землю свалится, то он уже самостоятельно в своих доспехах никогда не встанет.

– Я не рыцарь, перьев не ношу, поэтому думаю, что справлюсь. А мы, товарищ полковник, как устраиваться будем? – сменил тему разговора Лесничий. –
Кто как сможет или что-то для нас подготовлено?

– Базу, как я говорил, доводят до ума. Там уже охрана выставлена. Подготовлена офицерская казарма. Не слишком комфортабельная в сравнении с домашним бытом, но на уровне. Не солдатская. Комнаты для каждого отдельные, с душем и туалетом. Кухня вот только общая. Готовить себе сами будете.

Селиверстов оставил машину дожидаться внизу. Лифт поднял полковника и старшего лейтенанта на шестой этаж. Едва кабина открылась, за одной из дверей послышалось поскуливание.

– Услышали мои малыши, – непривычно мягко, даже ласково сказал Селиверстов. – Они знают, когда я со службы возвращаюсь, и ждут под дверью. Сегодня раньше явился, но, наверное, услышали, как мы внизу разговаривали. Голос узнали. Утром я не выводил их. Со вчерашнего вечера терпят.

– А в поликлинику, товарищ полковник, вы заехать не намереваетесь? – Старший лейтенант поставил вопрос, о котором полковник, как Лесничему показалось, постарался забыть.

– Зачем?

– Снимок черепа сделать. Мало ли что? Могут быть трещины.

– И что мне эти трещины? Гипс на затылок наложат? Сотрясение мозга есть. Это я и без них понимаю. Как себя вести в такой ситуации, знаю лучше любых врачей. Я столько этих сотрясений на ногах перенес, что все и вспомнить не могу.

– Но врач же говорил…

– И пусть себе. У него работа такая. А у меня другая. Он даже не потрудился на сотрясение мозга меня проверить. А это проще простого делается. Нужно только попросить человека глазами поводить вправо и влево. Если есть сотрясение, то в сторону смотреть будет больно.

– Это я знаю. У меня подобный опыт тоже есть.

– Что, в лазарете отдыхал?

– Пришлось. У меня одновременно три осколочных ранения было. Одно из них проникающее. Операцию по извлечению осколка делали.

– Да. Северный Кавказ. Видел я что-то такое в твоем личном деле.

Полковник открыл дверь. Три громадные поджарые собаки, радостно повизгивая, вырвались на лестничную площадку и завертелись там, проявляя неуемную радость при виде любимого хозяина, который просто присел среди них, позволяя вылизывать себе лицо. Цокот собачьих когтей по бетону лестничной площадки слышан был, наверное, во всем подъезде.

На Лесничего собаки тоже обратили внимание. Они для приличия лизнули ему руку, считая гостя хозяина и своим тоже.

В полный рост Георгий Игоревич поднялся с трудом. Лицо покраснело и напряглось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/samarov_sergey/volkodavam-viza-ne-nuzhna

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити